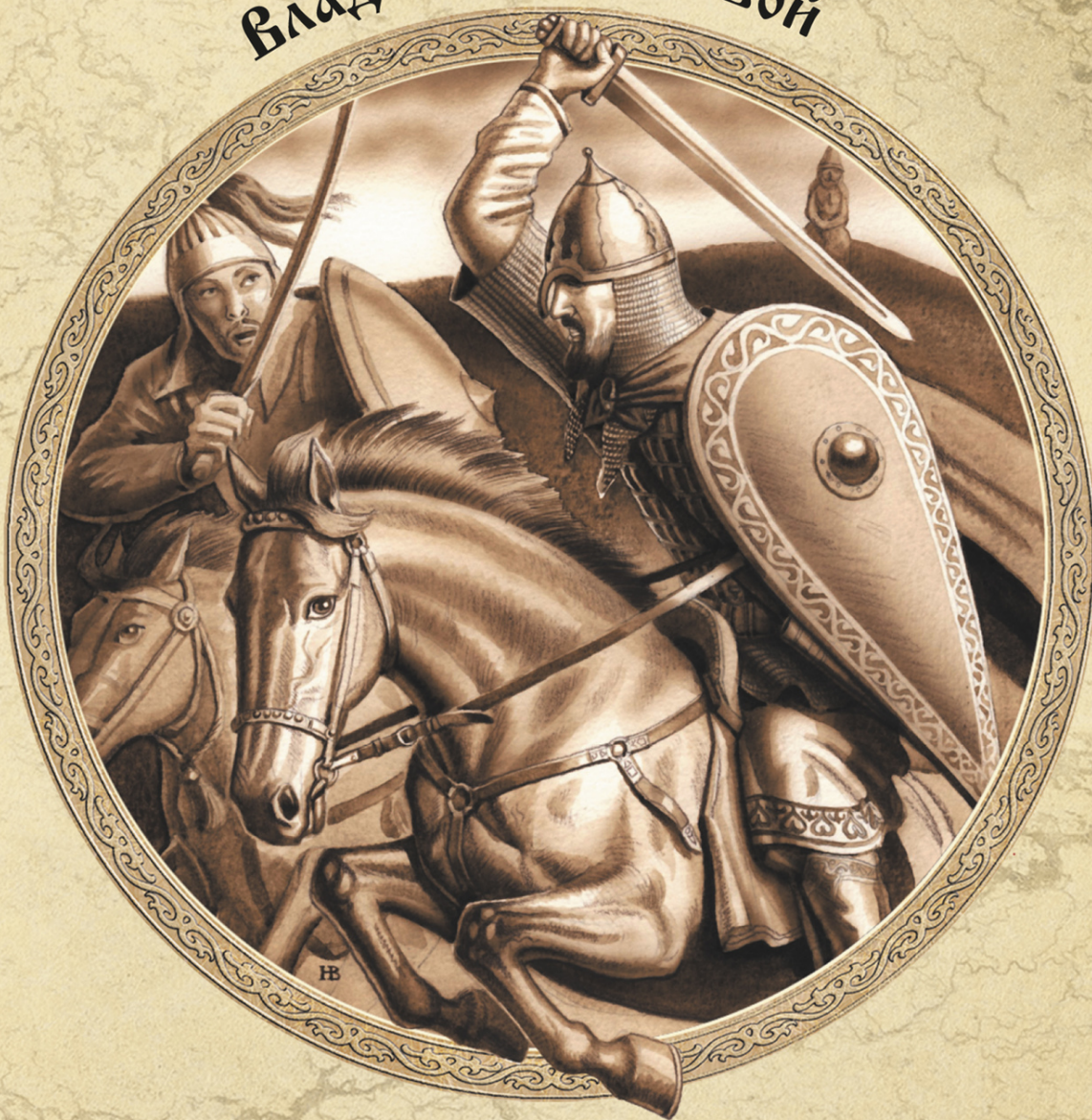

У истоков Руси

Владимир Буртовой

Щит земли Русской

У истоков Руси

Владимир Буртовой
Щит земли русской

«ВЕЧЕ»

2008

Буртовой В. И.

Щит земли русской / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ», 2008 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7566-5

997 год от Р.Х. Два сильных противника столкнулись у стен Белого города: доблестная дружина киевского князя Владимира Святославича и рать печенегов, разоряющих мирную Русь... Безжалостные степняки одержимы идеей захватить и разграбить город, но крепко стоит за белгородскими стенами русское воинство. Эту книгу известного русского писателя Владимира Буртового отличает не только достоверное изображение далеких дней славянской истории, но и динамичный, увлекательный сюжет. Здесь есть и кровопролитные сечи, и интриги, и примеры беззаветной любви к Родине.

ISBN 978-5-4484-7566-5

© Буртовой В. И., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

У края земли русской	6
Битва над Росью	15
На берегу Ирпень-реки	19
Степь колышется	22
Последний бой Славича	26
Дым вражеских костров	32
Перунов овраг	36
Коварство врага	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Иванович Буртовой

Щит земли русской

© Буртовой В.И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Дивно ли, если муж пал на войне?
Умирали так лучшие из предков наших.
Поучение Владимира Мономаха*

У края земли русской

*Уж я город-то Киев да во полон возьму,
Уж я божьи-ти церкви да все под дым спуцу,
Уж я русских богатырей повышиблю,
Да и князя Владимира в полон возьму.*

Былина «Алеша и Тугарин в Киеве»

Неожиданно, с криком, жесткими крыльями разметав в стороны густые метелки серебристого ковыля, из-под ног коня взлетел курганник и поднялся в знойное июльское небо. Высоко-высоко, под одиноким, словно застывшим на месте, облаком, он закружил в потоке сухого воздуха, разглядывая сверху далекую землю и людей в блестящих доспехах. Там, на могильном кургане, он только что уступил этим людям недоклеванное, в кровавых перьях горячее тело молодой куропатки.

А вдавленный в землю грузом прожитых веков могильный курган глухо стонал под копытами богатырского коня. Грузно переступая, поднялся серый широкогрудый конь на заросшую вершину кургана и устало потряхнул длинной гривой, роняя белую пену с железных удил.

Всадник привстал в стременах, поднес к глазам широкую ладонь и повел взглядом по дикой степи от края и до края. Степь холмилась впереди, широкие и бесшумные волны разнотравья текли по сторонам. Назад обернулся – и за спиной конной русской заставы, насколько хватало глаз, опять же степь, степь. А там, у южного края земли, широкой серебристой рекой марево размывало небосклон. И где-то далеко, за этим маревом, извечный враг Руси – печенежская орда.

Иоанн Торник, василик¹ византийского императора, осторожно подвел легконогую соловую кобылу к правому стремени всадника и остановился чуть ниже Славича, сотенного русской заставы.

– Дале еду я один, о славный витязь. – Иоанн наклонился в сторону Славича всей своей высокой и худой фигурой в просторном дорожном халате серого цвета.

Славич повернул к Иоанну широкое бородатое лицо. Ни один мускул на нем не дрогнул, когда стал прощаться с византийцем.

– Повеление воеводы Радкая исполнил: проводил тебя за кон² земли Русской. – Славич говорил тихо, басом, играя пальцами на рукояти меча. – Долгом же своим почитаю сказать тебе, посол византийский, чтоб остерегался в пути: совсем рядом ходят печенеги. Днями шли гости³ из южных земель, видели печенежские вежи⁴ в четырех днях хода от реки Рось. Могут повстречаться разбойные скопища.

Иоанн, делая вид, что ему нечего бояться, отмахнулся длиннопалой рукой:

– Печенегам нечем у меня поживиться, разве что малоценной пушной кладью, взятой в Киеве. В убыток нынешним летом торговля была. Кланяйся, витязь, князю Владимиру от меня за хлеб и кров в Киеве, жалею, что не видел князя, другому василику пришлось грамоты оставить. Дела важные позвали в Константинополь. Как улажу их, будущим летом снова поднимусь Днестром с богатыми дарами князю и княгине Анне.

¹ Василик – посол, вестник. (Здесь и далее примечания автора.)

² Кон – конец, край, граница.

³ Гость – купец.

⁴ Вежи – стойбища.

Иоанн ткнул кобылу острым кулаком в потную шею и спустился с кургана на южную сторону.

Вспомнил Иоанн ране не предвиденные и потому спешные сборы в дорогу, и кольнуло под сердцем: столько товаров пришлось отдать киевлянам за полцены! Тербели бороды торговые мужи Киева, глядя, как покатили с Горы Кия груженные до верха возы императорского посла Торника. И гадали меж собой, что же стряслось в Константинополе, если так спешно отъехал, не вручив самолично грамоты князю Киевскому? Прошлым летом не отъехал даже тогда, когда получил весть о смерти старого отца. А ныне... Порешили единодушно, что зреют вновь смутные дела в столице Византии и хитрый василик надеется словить более крупную рыбу в мутной воде дворцовых интриг.

Откуда было им знать, что спешит посол не в Константинополь, а в земли печенежского кагана Тимаря...

Четыре раза выбирали место под ночлег у тихих степных речушек, в зарослях ивняка, и снова в путь, под нещадным солнцем по ковыльному морю, навстречу неизвестности. Иоанн ехал, предаваясь мыслям о том, как все будет хорошо в его жизни, если замысел брата Харитона свершится. А за исход своего дела он не сомневался: печенежские нравы и отношения князей он изучил за многие годы до тонкости, знает, где и на чем выгоду получить.

– Господин, – раздался рядом хриплый, жаждой перехваченный голос. С Иоанном поравнялся на рыжем коне Алфен, взятый на лето присматривать за товарами. Боязливым оказался на чужой земле этот Алфен, с заячьей душой. А на руку не чист, это успел заметить Иоанн. Но молчал, делал вид, что не замечает воровства – ждал, когда Алфен попадется на крупной краже. Тогда уж ему от клейма раба не уйти! Торник своего не упустит.

Иоанн скосил глаза влево: жирное и потное лицо Алфена – само страдание. Рыжие всклокоченные волосы прядями прилипли к гладкому лбу и впалым вискам, широкий нос и тугие щеки в испарине.

– Смотри вперед, господин! – Алфен вскинул дрожащую руку на юго-запад. – Вон там, под солнцем, пыль!

И тут же из-за высокого увала посыпались конные печенеги. Посыпались густо, как сыплется пшено из дырявой торбы. Печенеги увидели караван, малую охрану при нем и полукругом потекли вниз по склону. Горячая степь задымилась позади всадников сизой пеленой. Иоанн услышал, как за спиной тревожно загалдела посольская стража у возов с подарками императора, вот-вот пустят коней вспять. Он тут же повернулся в седле и прокричал своим:

– Стойте спокойно!

Впереди печенегов, размахивая саблей, летел молодой всадник на белом коне. Длинные черные усы – будто крылья стрижа – вразлет. Парчовый халат поверх тонкой кольчуги выдавал знатное происхождение. Иоанн тут же узнал его, по-детски радостно – судьбе угодно было покровительствовать ему! – вскинул над головой длинные руки и закричал:

– О храбрый князь Анбал! Привет тебе, сказочный витязь степи! Привет тебе, великий внук великого кагана Кури!

Тот, кого он так искренне приветствовал, сдержал коня, осторожно приблизился, опустив занесенную для удара саблю. Потом по его широкоскулому лицу разлилась улыбка, узкие глаза вспыхнули радостным блеском.

– Привет и тебе, греческий посол, – ответил Анбал. Он сделал знак рукой всадникам остановить бег коней, резко и, как показалось Иоанну, с досадой бросил саблю в красивые ножны: сорвалась добыча! Но посол был постоянным гостем кагана. И его, Анбала, одаривал щедро каждый раз, имея какие-то виды на будущее.

– Что за нужда в такую жару пылить одежду по нашим степям? Мы ждали тебя после лета.

– Добрые вести привез я великому кагану, – торжественно, как и подобает послу могущественного императора, заговорил Иоанн. Теперь он будет жить, если конь донес его до места

так счастливо. Высокий и морщинистый лоб Иоанна разгладился, тревога из сердца ушла, и желтые лисьи глаза улыбались Анбалу, его резвым всадникам и всей печенежской степи. И не зря. Ведь повстречай он незнакомого князя или диких разбойников – скатиться бы посольской голове с плеч в ковыль, под конские копыта. И писанные императором грамоты не спасли бы. В лучшем случае взяли бы в плен да продали бы в рабство.

– Здоров ли каган Тимарь? Все ли здоровы в его светлой и большой семье?

– Э-э-э. – Анбал сплюнул и небрежно махнул рукой, что означало: чем скорее умрет старый Тимарь, тем ближе подступит к заветной цели он, Анбал. Разве не ему, внуку Кури, по праву принадлежит место на красной подушке в шатре каганов? Когда князь Киевский Владимир убил Курю, мстя за отца своего, Святослава, он, Анбал, был еще слишком мал, чтобы бороться, но теперь...

– Что за вести привез ты, Иоанн? – снова и уже настойчиво спросил печенежский князь.

– Вести мои, славный витязь, таковы, что можно взять безмерную добычу и без великого труда, – ответил Иоанн. О-о, как заблестели черные глаза молодого хищника! И как нетерпеливы стали движения его сильных рук!

– Наверно, ты знаешь о чужом торговом караване, который идет к каменным завалам на Днепре? – Анбал быстро скользнул языком по сухим губам. – Если хватит для набега моих нукеров, то добычу разделим по чести, – тут же предложил печенежский князь.

– Нет, славный витязь. Я хочу подарить вашему кагану не караван с товарами. Я хочу подарить кагану... всю Русь!

Анбал подпрыгнул в седле так, что белый конь присел на задние ноги и зло повел глазами на всадника.

– Как? – вскрикнул князь, не опасаясь вызвать неудовольствие византийского василика своим недоверием. – Ты хочешь подарить Русь этому хромоногому Тарантулу и его заживевшему брату – кагану, которым давно пора вспороть... Он вдруг замолк, словно на полном скаку задохнулся встречным ветром, оглянулся: нукеры ехали в полусотне шагов, занятые своими разговорами, а Иоанн отметил про себя: «Хоть и храбришься ты, князек, а все же кагана побаиваешься. Молодо еще вино, кисло, со временем перебродит...»

Незаметно за разговорами поднялись на вершину увала. Внизу, в просторной долине на берегу реки, расположились печенежские вежи. В центре, на невысоком возвышении речного берега близ группы степных ветел красовался величественный, белого шелка шатер кагана Тимаря и стража видна вокруг. Набирал охрану родной брат кагана, хромоногий князь Уржа. Это о нем с опаской говорили печенежские князья, подвластные кагану, что не Тимарь правит ими, а беспощадный и длиннорукий калека – старик Тарантул.

Прозрачный сизо-синий дым, мешаясь с серой пылью, сплошным пологом накрывал долину, застилая очертания гористого на востоке среза земли: туда тянул над долиной слабый ветер. Иоанну никогда раньше не приходилось видеть такой силы степняков, собранной воедино. И мелькнула тревожная мысль: а не проведал ли уже Тимарь о том, что он только собирается сказать ему? Не уйдет ли из рук верная и немалая прибыль, которую можно без лишних хлопот положить в свою кису⁵? Но ведь никто раньше его из Киева в степь еще не выезжал, другие гости еще держат торг на киевской Горе⁶. Иоанн успокаивал себя и смотрел на долину, на печенежское войско. Приметил, как у самой близкой и бедной кибитки – передний край ее был изрядно потрепан – пожилая седая женщина, присев на корточки, доила рыжую флегматичную кобылу.

– Не счесть мне, сколь велико войско кагана! – вырвалось невольно у Иоанна Торника.

⁵ Киса – кожаный мешочек для денег, который носили на поясе.

⁶ Гора – центр древнего Киева на Горе Кия.

– Хорошему стаду нужен резвоногий пастух, иначе волки и барсы растащат скот по суходолам, – откликнулся князь Анбал, а потом, пылливо заглянув в зелено-желтые глаза Торника, сказал: – Хотел бы и я знать, о чем будет речь в Белом Шатре и на какое время назначит каган поход на Русь. Собрать бы родственников своих по такому поводу воедино. Вдруг да удобный случай представится... – Анбал не уточнил, о каком случае помышляет, но Иоанн и без того понял молодого князя.

– Обо всем поведаю тебе, славный витязь, не сомневайся в моей дружбе, – не задумываясь, пообещал Иоанн. Он щедро одарил Анбала шкурами куницы и горностая, спустился в долину, к Белому Шатру и черной страже возле него. Едва успел спрыгнуть с коня, размять затекшие ноги и сделать по вытоптанной траве два-три шага, как из-за сумрачных нукеров с копьями, припадая на левую ногу, вышел низкорослый и сгорбленный старик. Седые усы его свисали до подбородка, смешиваясь с редкой и тоже седой бородой. Широкие скулы выдавались в стороны, словно старик постоянно втягивал в себя воздух сквозь стиснутые зубы. Конец кривого меча в ножнах волочился по траве.

Иоанн поймал на себе немигающий взгляд старика и, вдруг ощутив вялость в ногах, вторично в этот день испугался за свою жизнь. Подумал: «Что-то случилось в печенежском стане, если Тарантул так встречает, словно врага заведомого».

Не в силах стряхнуть с себя оцепенение от тяжелого взгляда Уржи, Иоанн все же переборол набежавшую к горлу мерзкую тошноту, склонил голову как можно почтительнее и приветливо сказал:

– Не узнаешь меня, о славный страж великого кагана Тимаря?

– Я узнал тебя, византиец. – Уржа сунул скрюченные годами и хворьями пальцы за пояс темного шелкового халата. – Узнал я и того, кто отъехал от тебя с подарками. О чем вели речь всю эту долгую дорогу до шатра кагана?

Иоанн содрогнулся от холодного голоса Уржи – старик не назвал посла даже по имени! – и торопливо заговорил, стараясь упредить новый, быть может, роковой для себя вопрос:

– О недремлющий страж божественного кагана! Я одарил молодого князя несколькими шкурами за то, что он указал мне кратчайший путь по степи к Белому Шатру. Подарок, который я привез пресветлому кагану, не имеет себе цены и во много раз дороже подарков могущественного императора Византии. Проси, о светлый князь, дозволения встать перед повелителем степи, вручить грамоту и молвить слово приветствия.

Уржа внимательным взглядом окинул высокие возы, запыленную стражу около них, сделав Иоанну знак следовать за собой, без слов повернулся и захромал к шатру. Иоанн торопливо отстегнул от пояса меч и протянул его бледному Алфену. Перекрестился.

– Войди, византийский посол, – снова проскрипел горлом Уржа и сузил до предела злые, холодные глаза. – Великий каган примет тебя и щедрые дары твоего императора, – и сам вошел в шатер послушать, о чем будет говорить византиец.

Высокому Иоанну пришлось чуть ли не вдвое согнуться: всякий входящий уже на пороге склонял голову перед хозяином Белого Шатра. Не разгибаясь, Иоанн опустился на ковер нежной и теплой шерсти.

– О великий каган, – сказал он, – важное дело вынудило меня, не дождавшись встречи с князем Владимиром, оставить Киев и поспешить на встречу с тобой.

Тимарь сидел на высокой круглой подушке из красного бархата. Широкое расплывшееся лицо, длинные с проседью усы, короткая, вся в складках, шея. Одет каган в кафтан зеленого цвета и черные шелковые шаровары, которые не могли скрыть полноту коротких ног. Тимарь сделал нетерпеливый жест рукой, подзывая Иоанна ближе. Рядом восседал будущий властелин Дикой Степи – сын Тимаря Араслан, шестнадцатилетний княжич. Араслан узнал византийского василика, сдержанно улыбнулся ему и посторонился, уступая место возле отца.

– Где же гуляет мой враг, этот князь Киевский? – спросил Тимарь. – Садись сюда, рядом. Но говори тихо, и у этого шатра есть чужие уши. Как здоровье нашего большого друга – императора Василия? И что нового на Руси?

Иоанн заговорил не торопясь, выигрывая время, чтобы успокоиться после неласковой встречи с Тарантулом и собраться с мыслями.

– Божественный император в полном здравии, – ответил Иоанн. – Он шлет тебе, владыка степей, немалые дары.

– Я потом посмотрю те дары. Есть ли мне грамота, им писанная? Что просил передать на словах император Василий?

Что просил сказать кагану византийский император? Иоанн Торник, даже среди ночи поднятый с постели, мог бы слово в слово повторить разговор с императором, который состоялся накануне его отъезда из Константинополя на Русь.

Иоанн, временно отстраненный от поручений василика, собрался ехать с товарами в Киев. На прощальный ужин пригласил родных и друзей, зазвал их под своды старого, но крепкого еще дома – наследственного гнезда Торников. Дом этот, постоянно обдуваемый то холодными ветрами с Русского моря, то жаркими – со Средиземного, стоял на крутом берегу Золотого Рога, на виду множества купеческих кораблей, прибывающих в «вечный город» для торгов. Достался дом Иоанну после нелепой и случайной смерти отца. Его убили в темном переулке возле монастыря Мамонта, где останавливались обычно киевские купцы – отец навоевал у них справки о сыне Иоанне.

Убийцу, беглого одноухого раба-египтянина, умирающего голодной смертью в огромном чужом городе, слуги старого Торника все же изловили. Младший брат Иоанна, Харитон, держит теперь его у себя, в темном подвале, и время от времени до полусмерти травит голодными псами. Вылечит лекарь раба, оживет несчастный – Харитон снова напускает на него собак. Уже минула зима в таких муках для убийцы, но он, полусъеденный, все еще жив был на день отъезда Иоанна.

– Ты есть хотел и убил моего отца, – говорил египтянину Харитон. – Псы тоже есть хотят...

В разгар ужина совсем неожиданно в зал, в сопровождении услужливого Алфена, вошел императорский этериот⁷ с наказом срочно явиться в Большой дворец.

– Зачем? – удивился Иоанн и поставил на стол недопитую чашу вина. – Зачем и кому я понадобился так поздно?

Когда же угрюмый этериот пояснил, что зовет бывшего василика сам император, язык отнялся от радости. Вспомнил! Вновь вспомнил о нем божественный василевс⁸! Прежде он, василик и тайный доглядчик Иоанн, не единожды оказывал разные услуги императору, но был на время полузабыт. Наступили новые времена. Русь приняла христианство, и не было выгоды для Византии, как в былые годы, ссориться с ней. Все чаще и чаще обращался теперь Константинополь к северному соседу за военной помощью. И вот – снова нужда в нем, многоопытном василике Иоанне.

– Поспешим, брат, – поднялся первым из-за стола Харитон. – Я провожу тебя и дождусь у ворот дворца. Ночь темна и потому опасна.

Иоанн распорядился оседлать коня и в сопровождении слуги Алфена и вооруженного Харитона – императорского друнгари⁹ – выехал тотчас же, вслед за молчаливым рыжеволосым этериотом, пожилым наемником из варягов.

⁷ Этерия – конная гвардия Византии.

⁸ Василевс – император Византии.

⁹ Друнгари – в Византии начальник друнга, отряда пехоты в 1–3 тысячи человек.

Улицы, укрытые тенью от каменных дворцов и церквей, в этот поздний час были мертвы, без пешеходов, с редкими тусклыми огнями в окнах да с настороженными бродячими собаками у стен. И только кресты над куполами храма Святой Софии четко просматривались в свете полной луны, вставшей там, за Босфором, на восточном небосклоне над далеким, холодным еще по весне Русским морем.

Проехали торговое место между форумом Константина и площадью Тавра, потом по мощеной главной улице Константинополя – Месе, и вот – за высокими, холодными с зимы стенами – дворец императоров.

Недалеко от входных ворот Алфен остался стеречь коней под стройными и неподвижными, будто выточенными из черного мрамора, кипарисами. Этериот провел Иоанна гулким коридором с тусклыми огоньками светильников у потолка и, миновав Золотую палату, ввел в палату Юстиниана, где только что семья императора принимала поздний ужин. Этериот так же молча развернулся и вышел.

Бледный, с лицом, будто из мятого желтого пергамента, император Василий тяжелым взглядом пригвоздил своего забытого василика к мягкому ковру. Не поднимая головы, Иоанн подполз к позолоченной туфле василевса, припал к ней в раболепном поклоне, вдыхая аромат благовоний, которыми была пропитана одежда императора.

– Слушай меня, мой верный василик, – размеренным суровым голосом заговорил император. – Узнал я, что собрался ты в земли русов торговать, позвал тебя и велю исполнить важное дело. Говорю тебе, Иоанн: Византия стоит перед трудной войной с арабами. А против арабов нужна большая сила! И ее должны дать мне Русь и печенеги.

Император Василий легонько коснулся концом туфли плеча Иоанна Торника, и тот осмелился поднять голову, взглянуть снизу вверх на своего владыку.

– Поезжай на Русь, а после Руси непременно заедешь в печенежские степи. Обещай кагану Тимарю и печенежским князьям много золота за воинов. И еще передай кагану, что за мир с Русью буду щедро платить я. Помни, Иоанн: если печенеги вновь пойдут на Киев, как и прошлым летом, – князь Владимир не даст мне ни одного меча! В посольство с тобой посылаю отважного василика Парфена. Муж умом крепок, не один раз исполнял мои дела в Болгарии и в Армении, но на Руси еще не бывал. За доброго помощника будет тебе в делах. Поутру получишь у проэдра¹⁰ грамоты к князю Владимиру и печенежскому кагану. Василевс, горбясь под темным бархатным плащом, отошел в сторону, взял с кроваво-красного мраморного стола тяжелый кожаный мешочек, кинул его к коленям Торника. Глухо звякнуло золото в просторной палате, и звук этот отдался приятной истомой в сердце Иоанна.

– Это, василик, на случай убытков в побочных торговых делах, чтобы твоя голова не отвлекалась от моего поручения. Тебе не один раз удавалось прежде натравить печенегов на Киев, еще во времена Кури и Святослава. Теперь же сумей примирить врагов во имя спасения Византии. Князю Владимиру скажи, что я прошу забыть старые обиды, которые случились между нами после битвы под Авидосом. За воинов готов я уплатить дань вперед, до прибытия их в Византию, а не как прежде, по окончании службы императору. В середине лета жду тебя с добрыми вестями. И с сильным войском от князя Владимира и от печенегов.

Иоанн поклялся сделать, как повелел божественный василевс. Если бы знал владыка Византийской империи, в какие ненадежные руки вложил он судьбу своего замысла!

Ликующий, окрыленный неожиданным подарком в кожаном мешочке и вниманием императора, взобрался Иоанн в прохладное седло и выехал на темную улицу, где его нетерпеливо поджидал брат Харитон.

– Отпусти слугу, Иоанн, и едем ко мне. Дело неотложное есть.

¹⁰ Проэдр – буквально: председатель, первое лицо в государстве после императора Византии.

Харитон провел его в глубокий подвал под домом, усадил среди дубовых бочек с дорогими винами, зашептал, склоняясь к уху:

– Брат мой, доверюсь тебе, как себе самому, а ты послужи нам в великом деле и не будешь без прибыли и славы.

– Слушаю тебя, – отозвался Иоанн, с интересом глядя на Харитона.

Из-за стены донесся тягучий стон. Иоанн насторожился, с беспокойством повернул туда голову.

– Это египтянин. Вчера вновь травил его собаками.

– Казнил бы ты его разом. Грех ведь человека так мучить, – сказал Иоанн, но Харитон резко возразил:

– Нет, брат! Убийца всю жизнь будет умирать! Но не о том хочу вести речь. Слушай, брат. Конная этерия стонет под жестокой рукой императора, казна скудеет день ото дня из-за бесконечных и бесплодных войн в Болгарии и на Востоке, недовольство в легионах становится всеобщим. И есть уже люди, которые готовы дать присягу другому императору, нежадному.

Иоанн съезжился, ладонями загородился от этих жутких, холодных, будто осколки льда, слов.

– Что ты! Что ты, брат?! Заговор? Помилуй бог знать даже об этом, не то чтобы...

– Да-да, – настаивал Харитон и приблизил сухие губы к самому лицу Иоанна – Откроюсь еще больше: есть сильные люди и у трона. Они не против помочь «божественному» подняться к Богу.

Пламя факела качнулось в глазах Иоанна, и он мокрыми холодными ладонями оперся о скамью, чтобы не упасть.

– Несчастный брат мой... Мыслимо ли такое? И что можем сделать мы, и я тоже, слабый человечешко, против всесильного? – Иоанн простонал, сожалея, что послушался Харитона и заехал в его дом.

– Многое, брат мой, многое и важное. Нет, мы не вложим в твою руку кинжал. – По лицу Харитона скользнула недобрая усмешка. – На это ты не годишься. Но ты только что говорил о поручении императора. Он хочет просить помощи у Руси и печенегов. Так ведь?

– Да, повелел... – Язык с трудом двигался во рту, а ухо чутко ловило стоны за перегородкой. – А вдруг это вездесущие доглядчики императора приникли к двери погреба, ловят каждое его слово?

– Русь не однажды спасала византийских императоров своим оружием. С ее помощью недавно был разбит близ Авидоса мятежный Варда Фока. Теперь вот и Василий просит воинов у князя Киевского, чужими полками хочет укрепить свой трон. Что делать тебе? Ты должен натравить печенегов на Русь! Тогда князь Владимир будет думать о своей земле, а не о помощи этому ненавистному полумонаху-полуимператору Василию! После его... м-м... удаления я буду назначен куропалатом¹¹ с исполнением должности начальника дворцовой стражи. Тебе обещают должность логофета¹². Вся казна империи будет под твоим оком! Согласен? Думай, брат. Да поскорее думай.

Иоанн, обессиленный внутренней борьбой, наконец молча кивнул в знак согласия на такое, косвенное, как ему хотелось думать, участие в заговоре...

Василики императора с подарками и стражей прибыли на Русь, но князя Владимира в Киеве не застали. За неделю до их приезда он выступил в Новгород с дружиной. Пока Алфен распродал привезенные с собой товары и закупал меха, Иоанн побывал в гостях и щедро одарил княгиню Анну. Долго беседовал с византийцами, которые были в услужении княгини, от них выведал, велика ли дружина в Киеве после ухода князя. Когда собрал нужные сведения,

¹¹ Куропалат – высокий придворный титул – мажордом.

¹² Логофет – канцлер, заведующий финансами Византии.

оставил младшего василика Парфена дожидаться князя Владимира, а сам, чтобы не терять времени, поспешил на переговоры с печенежским каганом Тимарем, повез к нему грамоту императора Василия.

Вспомнил теперь о наказе василевса Иоанн и потуже запахнул халат на груди – почудилось, будто прохладным ветром, как тогда ночью над Константинополем, со стороны Русского моря потянуло под пологом Белого Шатра.

Иоанн придвинулся по ковру ближе к кагану, зашептал:

– Великий каган, император Византии в своей грамоте просит о помощи в войне с арабами.

Тимарь вскинул брови, поймал языком правый ус, задумчиво посмотрел на сына Араслана. Тот внимательно слушал византийского посла, словно ему, а не кагану предстояло принимать решение. Тимарь негромко сказал:

– До тех арабов идти через земли яссов и кософов. И через горы Кавказа... Добрая половина войска не дойдет, в сечах поляжет. С кем же мне тогда против арабов воевать? Иное дело – на Болгарию идти, туда дорога нашим войскам хорошо знакома.

– Идти через кософов и яссов – себя губить, – обронил глухим голосом Уржа.

Иоанн поспешил согласиться:

– О том и я знаю. Но посмел бы я возразить всесильному императору? Великий каган волен поступать так, как ему выгодно. А золото можно найти не за горами, гораздо ближе.

Араслан не усидел, опередил кагана и выкрикнул:

– Где же?

Тимарь улыбнулся, ласково погладил сына по черноволосой голове.

– Великий каган, такой удобный случай отомстить князю Владимиру за старые обиды вряд ли еще когда явится. Русь теперь лежит как потерянный кошель при дороге, кто первым наклонится, тому и владеть золотом. Три недели назад князь Владимир выступил на север собирать воинов для похода на сынов Степи. Киев же остался с малой дружиной.

Тимарь легко вскочил на ноги и бесшумно, барсом, заходил по ковру. «Так, Русь – как кошель при дороге», – повторил слова византийца. Много золота теперь нужно ему, кагану. Нужно для подарков князьям, нукерам. Каждый день брат Уржа говорит ему со слов доглядчиков, что князь Анбал созывает к себе в шатер на пиры молодых князей, что речь там заводится о походах и добыче. И едва ли не прямо говорят, что старый Тимарь стал бояться вражеских стрел. Он прав, этот молодой барс: походы дают силу и славу. И золото, без которого не усидеть долго в Белом Шатре. Сомнение берет – для набега ли на Русь собрал Анбал в долину всех своих родичей? Может, умыслил недоброе против него, кагана? Может, сговаривается с другими князьями? И что теперь сделать, чтобы остаться у власти и впредь? Надо думать без спешки.

– О премудрый каган, – наговаривал между тем Иоанн и даже привстал на коленях. – Не медли. Росские заставы числом малы, сгибнут скоро. Ты возьмешь окрестные города и – на Киев! Русь велика, всюду надо успеть до зимы, пока князь Владимир не вернулся с северными ратями. – Иоанн чуть помедлил, будто натягивая тетиву тугого лука, и добавил: – Если сам не можешь выступить, пусти с войском кого-нибудь из подданных князей.

Тимарь вздрогнул, остановился около сына. Араслан вскинул голову, потом поднялся на ноги.

– Пошли меня, отец, на бородатых медведей!

Каган улыбнулся, одобряя горячность наследника, но другие мысли теснились в голове. С неприязнью покосился на византийца. «И этот про набег князей мне толкует. Будто сговорился с Анбалом, пока ехал по степи. А может, и сговорился? Император просит войска на арабов, а посол твердит о набеге на Русь! Хитрый византиец, тебе-то что за выгода в моем походе на Русь? О своей выгоде радеешь? О своей выгоде будем думать и мы... Не до забот Византии

мне теперь. Что князь Владимир ушел на север, я узнал бы и без тебя, от других торговых людей. Немало их на юг через наши степи путь держат. Не твое известие толкает меня на Русь, а необходимость опередить Анбала. Можно ведь однажды и не проснуться от меча своего же телохранителя: и такое было среди князей печенежских. Но и на поход нелегко решиться, имея врага в собственном стане... Но если так, – остановил Тимарь себя, – то почему бы не пустить Анбала впереди? Анбалу будет первая добыча – и первая стрела бородатого русича. Русичи не попадут – люди Уржи не промахнутся. Никогда еще старый орел не уступал без драки место охоты молодому – таков закон степей! У меня свой наследник подрастает, ему поле охоты нужно», – подумал Тимарь. Потеплело в груди, когда глянул на Араслана: сын порывался что-то сказать, но ждал слова старших.

Тимарь вытолкнул языком мокрый ус изо рта. – Брат мой, – проговорил негромко Тимарь Урже, – призови князей-родичей, будем совет держать. – И к Иоанну: – А ты иди, отдыхай с дороги, византийский посол. Если порешим о походе на Русь и поход будет удачным, тогда и пошлю часть войска в Византию, но не через косогов, а через Болгарию. С ними и возвратишься. Пока же хочу иметь тебя при себе, как доброго и надежного советника.

Иоанн откланялся и вышел из шатра, почти уверенный, что его замысел осуществится, свою долю в заговор против императора Василия он внес успешно.

Высоко в небе прокатился глухой раскат далекой надвигающейся грозы. Иоанн посмотрел на юг: черная и лохматая по бокам туча, гоня впереди себя клубы пыли, стремительно ползла на степь со стороны Боспорского моря¹³. Быть жестокому урагану над укрытой ковылью сухой степью!

¹³ Черное море.

Битва над Росью

*Они съехались с раздольща чиста поля...
Приударили во палицы булатные.
Они друг друга-то били не жалухою.*

Былина «Королевичи из Кракова»

Всю ночь над Заросьем бушевала теплая летняя гроза, пугая пернатых жителей леса неожиданным блеском молнии и оглушительными раскатами грома. Растрепанные ветром водяные шквалы выхлестали непролазные дебри и широкую пойму реки Рось, а здесь, у брода, рухнула с кручи вершиной в воду прожившая свой век одинокая осина: некому было прикрыть ее старое тело от губительного и безжалостного ветра.

В лесу, пока не поднялся от земли туман, – береглись от зоркого глаза печенежских лазутчиков – русские дружинники сушили одежду у жарких, но бездымных костров и беззлбно поругивали убежавшую на север, насухо выжатую ветром тучу.

Больше полумесяца минуло с того дня, как Славич проводил византийского василика за кон земли Русской. Уходили за это время из Киева и другие купеческие караваны, и Славич провожал их в степи или до города Родни, где они садились в лодьи и плыли вниз по Днепру. И все эти дни тревога не покидала сотенного. Вот и теперь стоял он на коне у брода вместе с сотенным Туром и десятником Ярым – верными товарищами бывлых походов. Ждали вестей от дозорных: близко, совсем близко к краю русских владений подошли печенеги. Потому и отправил Славич в ночь Микулу с пятью дружинниками за Рось, навстречу степнякам. Микула обещал вернуться с первыми лучами солнца.

Всадники молчали, чутко слушали тишину раннего утра. Вот уже сквозь густую пелену тумана показался над правым берегом Роси сонный, будто бы невыспавшийся, диск солнца. Но при первом же дуновении ветра со степи солнце как-то сразу вырвалось из объятий тумана и всплыло над зыбким горизонтом, а потом, лаская землю, протянуло к ней еще не согретые с ночи длинные и невесомые руки. Лениво начал просыпаться над рекой тяжелый и сырой туман, нехотя ворочаясь с боку на бок в розовом зареве рассвета, а рядом весело просыпался лес, оглашая воздух разноголосым пением. Вставал над Русью день.

– Слышу – едут. – Славич повернулся лицом к реке, приложил к уху широкую ладонь. – Близко уже, скоро появятся.

Русские конники выплыли из тумана следом за отдаленными и глухими ударами копыт о влажную землю. Они выросли на степном берегу словно из воздуха и осторожно начали спускаться по крутому уклону к воде. Плеснулась сонная река, потом приняла в себя конские тела и покрыла их до седел теплой, неостывающей и ночью водой.

Микула подъехал, смахнул капли росы и водяных брызг с длинных – едва не по грудь – усов и остановил темного от воды карего коня против Славича. Тихо сказал:

– Беда, Славич: степь идет на Русь. Идет всей силой, с кибитками и табунами. Это не прошлогодний набег под Василев.

– Так, – отозвался Славич. Русая, с сединой, борода легла на мокрую от тумана кольчугу, прилипла волнистыми прядями к черным кольцам железной рубахи. Славич думал. А думать было о чем: за спиной – Русь. И не могучая, какой привыкли видеть ее враги, а не готовая к войне. Нет в Киеве князя Владимира – ушел в Новгород.

– Видели вас печенеги? – спросил Славич, желая знать, много ли времени у него приготовиться к встрече.

– Не должно бы. Мы шли от них в трех-четырех перелетах стрелы, за туманом, их же ловили на конский топ. Печенегов было гораздо в передовом полку, они заглушали наш бег. Теперь они, поди, верстах в пяти от Роси, – пояснил Микула.

Славич спешно распорядился:

– Ярый, возьми воев, проверь засеки вдоль междулесья, сигнальные костры зажги. Засеки будем валить на печенегов, когда пойдут всей силой. А ты, Микула, со своими воями забей корягами брод. Да погуще валите, чтоб и коню не вдруг ступить – не то что кибитке проехать. Пусть степняки поплещутся в реке, охолонут маленько. Ты, Тур, встань со своей сотней справа от брода, вон в том орешнике. Ударишь по находникам, как только выйдут на берег. А повернутся к лесу спиной – тут и я в сечу пойду. Коли осилим передовой полк – будем уходить на Белгород. Без нас воевода Радко крепости не удержит, сил у него и вовсе мало.

Чуть погода над туманным Заросьем высоко в небо поднялись столбы темного и густого дыма, клонясь верхами к северу. Далеко от края земли Русской до Белгорода, верст восемьдесят. Но долго ли степным коням покрыть это расстояние? Только сила задержит стремительный скак коня, вырвавшегося на простор проторенной дороги. А где ее взять – эту силу?

Славич укрыл вторую часть заставы в густых зарослях бузины и ракитника и сам встал здесь. От леса под уклон шло займище – сотни четыре шагов, не боле. Слева – непролазные и крутобокие овраги. А справа густой орешник укрыл дружинников Тура. Между Славичем и Туром узкое междулесье вело от брода в поле – прямая дорога на Киев. По ней-то и ринутся находники, если перейдут Рось.

– Идут! Идут! – донеслись до Славича возбужденные молодые голоса. Он посмотрел мимо зарослей на пойму, потом за реку, скользнул взглядом по крутому берегу вверх от воды и увидел, как сквозь поредевший и подернутый синевой туман на правом берегу реки возникли расплывчатые и оттого казавшиеся огромными фигуры всадников.

– Микула, – тихо, не оборачиваясь, обронил Славич, – скажи старым воям, пусть в сече берегут небывальцев.

Много их, небывальцев, у Славича в заставе, почти каждый пятый дружинник. А первый бой хмельным медом кружит голову. Не заметит юный русич, как печенег либо копьем собьет, либо сбоку мечом подсечет!

– Бродом уже идут, – услышал Славич приглушенный волнением голос Ярого: от реки неслись резкие гортанные крики, ржание коней и плеск воды. – Пожаловали! Не много у князя меду осталось, да настоян он крепко. Попотчует досыта незваных гостей!

Славич слушал Ярого и считал выбиравшихся из реки печенегов. Две сотни насчитал, но много еще осталось в реке, прикрытой растрепанным туманом.

– Печенегов больше нас числом, но за нами сила первого удара! – Славич сказал это громко. Знал, что ближние услышат и передадут дальним. Потом Славич вынул из ножен меч, к Ярому повернулся: у старого дружинника, спутника князя Святослава еще по византийским походам, четко обозначились на лице неровные шрамы – под левым глазом, на скуле.

– Побьют меня – доведешь заставу под руку воеводы Радка, – сказал Славич. – Только зря воев по дороге не теряй.

– Так и сделаю, Славич. – Ярый знал, что в заставе он второй по ратному опыту после сотенного, потому и добавил просто, не рисуясь: – Береги себя, Славич, ты нужнее.

Но Славич больше не успел сказать ни слова: справа от реки раздался короткий, как выдох умирающего, стон. Это разом выпустили стрелы дружинники сотенного Тура.

Печенежский каган Тимарь послал передовой полк разведать брод через Рось. И полк прошел брод. Тимарь повелел узнать – далеко ли застава русичей? Полк встретил ее, приняв ранним утром в свои тела сотни белохвостых стрел. Упали на мокрую траву первые печенеги, предсмертные крики огласили займище.

Степные всадники увидели русичей у брода. Под тусклыми из-за тумана лучами солнца сверкнули обнаженные кривые мечи, склонились для удара длинные копья. Передовой полк печенегов стал разворачиваться на Тура.

Славич привстал в седле, вскинул вверх правую руку. Сверкнуло над шоломом широкое лезвие меча, а потом плавно склонилось в сторону врага. Повинуясь знаку сотенного, большая половина заставы двинулась из леса. Над головами дрогнули влажные ветки деревьев, на прохладное железо шоломов, на темные кольчуги посыпались тяжелые капли росы. Еще взмах меча – и метнулись стрелы в гущу печенежских тел.

Займище захлестнули многоголосые крики испуга, отчаяния и боли. С людскими криками смешалось ржание подбитых коней, и вот уже робкие пятятся к броду, помышляя о своем лишь спасении. А Славич обернулся к заставе и, не таясь, зычно позвал за собой на сечу:

– Ну, русичи! – кинул меч в ножны и ринулся по склону берега к реке, нацелив заставу в неприкрытую спину печенежского полка. Тяжелое копье слегка раскачивалось в полусогнутой руке, расписанный красными узорами щит прикрывал лицо от случайной стрелы. Встречный ветер трепал русые, с сединой, волосы и рассекал бороду надвое – к плечам. Черноусый молодой печенег не смог закрыться щитом, легко пропустил сквозь тело копье, повис над седлом. Его конь присел на задние ноги и, захрипев, попятился.

Дружинники заставы Славича бились зло, крепко бились; знали: числом не возьмут, надобно умением и отвагой. Велика цена этой сече!

Поглощенный схваткой, Славич нет-нет да и поглядывал по сторонам. Коли на тебе заставка, умей не только сам колоть да рубить – дружинников своих не упускай из виду. Горько ведь потом казнить, когда того да другого недосчитаешься.

Вот справа и уже не так далеко качается над людскими головами высокий Тур – ни дать ни взять Перун-громовержец!

Славич невольно усмехнулся. Сколько тому, поди... Да, девять зим минуло, как крестил князь Владимир дружину и народ русский. Приняли русичи новую веру и Бога нового, карающего и всепрощающего, а вот поди ты – старое отзывается. Да ведь и то: как ни чиста, по словам людей книжных, новая вера, а старая – своя. Привычная. Спокон веков от отца к сыну передавалась...

Рядом со Славичем со стоном повалился из седла дружинник – печенежская стрела прошла шею навывлет, змеиным жалом высунулась с правой стороны.

– О боги! – выкрикнул Славич, вскинул щит, отбил темное хвостатое копье и сам ударил, вложив в этот удар всю силу плеча. Привстал в стременах осмотреться.

– Зарвался, небывалец! – словно очнувшись, не удержался от упрека Славич, когда увидел, как далеко вперед вырвался Янко, сын кузнеца Михайлы из Белгорода. Он уже едва успевал отражать удары, сыпавшиеся с двух сторон: степняки обходили его, отрезая от своих. Товарищ Янка Згар схватился с дюжим всадником, и ему нелегко приходится, больше на щит надеется, закрываясь от опытного мечника. Отстал, увязнув в сече, и Микула – его теснили сразу трое.

Славич поспешил на выручку к Янку, которому хуже других.

«Один. Еще один», – произвольно считал он степняков, которых доставало его страшное копье, и досадливо крякал, ощущая сквозь кольчугу хлесткие удары кривых мечей. Кольчуга хрустела, но пока держала. У виска что-то взвизгнуло. Понял – стрела рядом просвистела. Ага, вот это кто! Впереди спешившийся печенег – коня, что ль, свалили у него? – дергаясь, накладывал новую стрелу на лук. Но не успел натянуть тетиву – копье Славича вошло в смуглую короткую шею. Скорей, скорей! – Славич рвался к Янку. Прикрыть небывальца, собой заслонить. Не дай, Перун, Михайло лишиться сына – надежды своей и опоры в старости!..

– Слушай меня, Янко! – срывая голос, стараясь быть услышанным, кричал Славич. – Назад! Отходи назад. Янко-о!

Он чувствовал, что не успевает. Рядом падали с коней свои и печенежские всадники, падали часто, и казалось, не будет конца этому ненасытному разгулу смерти.

И тут Славич увидел, как впереди Янка, над печенегами, взлетела тяжелая, в острых шипах, кованная из железа палица Тура. Хрустнула под ней, как большой орех, голова самого настырного из нападавших. Другой, оставив Янка, повернул коня встречь Туру, прикрылся щитом – щит под могучим ударом разлетелся в куски. Печенег успел откинуться назад – и третий удар палицы пришелся по шее коня. Он дико заржал от боли, взметнулся на дыбы и опрокинулся, подминая всадника.

Янко опустил ставший непомерно тяжелым меч. Безвольно расслабив плечи, он неподвижно застыл в седле, только грудь часто-часто поднималась под кольчугой. Славич прикрыл Янка собой и вновь кинулся на печенегов.

Сеча кончилась так же внезапно, как и началась. Копыта русских коней коснулись реки.

– Слава вам, русичи! – прокричал неподалеку Ярый. – Слава вам, храбрые! Побит враг и кинут в реку!

Остатки печенежского полка, спасаясь, метнулись к броду. Но по дну реки густо набросаны коряги. Когда шли на русский берег – не торопились, выбирая, куда ступить, теперь же всякий норовил уйти первым. Началась свалка под русскими стрелами. Лишь немногие сумели выбраться на свой берег и ускакать.

Еще не остыв от сечи, победители торопливо шарили в прибитой траве, собирали бесценные стрелы. Мечи и копья, не растоптанные конями, щиты побитых врагов Славич тоже велел собрать – сгодятся в Белгороде. Молодые дружинники ловили по займищу перепуганных степных скакунов.

У самого леса, куда не достает весенняя вода, в скорбном молчании старые дружинники мечами рыли могилу для павших. Здесь же и раненые, присев на траву, поспешно прикладывали к побитым местам толченые листья кровавника, чтобы остановить кровь. Славич потопрапливал их:

– Езжайте без остановки. За первыми печенегами идут остальные, их нам не сдержать. – Он поискал глазами Янка, кликнул к себе.

Янко подъехал – молодой, синеглазый, с широкими, вразлет, как и у Михайлы, русыми бровями. Несколько глубоких зарубок на щите и шеломе остались ему на память о первой в жизни сече да еще какая-то неюношеская усталость в глазах. А может, это отпечаток недавно пережитого дыхания смерти?

– Скачи в Белгород, сынок. Передай воеводе, что видел. И скажи: печенег идет великой силой, пусть готовится, а от себя пусть гонца в Киев непременно снарядит с вестью, что нелегкий набег будет со степи. Я же остаюсь сдерживать находников, сколько смогу, – не силой, так хитростью. Ступай! – и широкой ладонью стер со лба горячий пот.

На берегу Ирпень-реки

*В год 991 Владимир заложил город Белгород,
и набрал для него людей из иных городов,
и свел в него много людей, ибо любил город тот.*

Повесть временных лет

Тринадцатилетний Вольга, брат Янка и сын белгородского кузнеца Михайлы, высокий и нескладный, разбежался и с крутого обрыва ринулся вниз головой.

– Догоня-яа-ай! – едва успел прокричать он, как теплая и спокойная вода Ирпень-реки с шумом сомкнулась над его ногами, вздыбилась, потом снова упала и широкими кругами пошла по речной глади. Вольга вынырнул и тут же зажмурил глаза от бледно-розового луча солнца, который мелькнул над кручей. Отфыркнулся и торопливо убрал с высокого лба выгоревшие волосы, а заодно смахнул ладонью с рыжих бровей и ресниц речную воду. Золотистая россыпь веснушек щедро украшала широкое переносье и щеки Вольги.

Бесконечная синь послегрозового неба и чистый, с запахами мокрой травы и цветов утренний воздух кружил голову. Вольга вспенил возле себя воду руками, а потом хлопнул ладонями по светло-зеленому пузырчатому гребню.

– Эге-ге-ей! – закричал он что было силы и вскинул вверх загорелые длинные руки, приветствуя младших товарищей, Бояна и Бразда. Они все еще раздевались под понурой узколистой ивой, которая в задумчивости стояла над обрывом. Тонкий Боян в ответ помахал рукой, а толстый и неповоротливый Бразд запутался в широких ноговицах¹⁴ и прыгал вокруг ивы на одной ноге, рукой придерживаясь за шершавый ствол дерева.

На высоченной круче правого берега Ирпень-реки красовался новыми, рубленными из толстых бревен стенами их родной город – крепость Белгород. Почти у самого обрыва, а высотой обрыв шагов в сто, хорошо видна башня над Ирпеньскими воротами. От этой башни с узкими бойницами для лучников под прямым углом поверх крутобокого вала в разные стороны уходили две высокие стены с остро затесанными верхами бревен. Одна стена шла вдоль речной кручи, вторая на юг. Других углов крепости не было видно из-за крутого берега, нависшего над рекой. За Ирпень-рекой ровным зеленым рядом раскинулся заливной луг, на две-три версты, не менее. За лугом, в сторону севера и северо-запада, земля поднималась лесистым увалом и, холмясь, уходила далеко за горизонт. И только на юг от крепости стелились ухоженные земли с хлебными нивами, с чернопашьем да выпасами, поросшими пахучим многотравьем.

Вольга сморщил широкий нос и рассмеялся, увидев, как толстый и большеголовый Бразд, боязливо спустившись к воде, осторожно коснулся ее пяткой.

– Ох, страх какой! – Бразд съежился, начал торопливо растирать гусиные пупырышки, покрывшие руки и ноги, приговаривая при этом, смешно выпятив губы: – Ох-ох! Хлад какой несусветный.

Над головой у Бразда острокрылым стрижом – только руки вперед, а не в стороны – скользнул по воздуху с обрыва ловкий Боян. Прохладные брызги густо окатили съежившегося Бразда.

– Ух ты, леший! – Бразд взвизгнул, захохотал и присел в воду по плечи, оттолкнулся от берега и быстро поплыл на середину реки, к Вольге.словно селезень неповоротливый на суше, Бразд был ловок и увертлив в воде.

¹⁴ Ноговицы – штаны.

Купались недолго. Утро было свежим, а солнце еще не согрело воздух и не высушило росу на траве. Вылезли на берег и присели на мягкий душистый клевер. Боян тут же взял в губы свирель из тонкого камыша, долго прислушивался к птичьему переклику в густых зарослях ивняка над рекой, а потом повторил как мог.

– Отец мой Сайга по осени обещал из нового камыша другую свирель сделать, большую. А как вырасту, то уйду в Киев, буду при князе Владимире гудошником. На богатырских пирах песни о старине играть стану. – Боян заботливо осмотрел свирель и снова поднес ее к губам, но заиграть не успел. Послышались тяжелые шаркающие шаги. Кусты зеленой бузины раздвинулись, и ребята увидели седовласого, сгорбленного старика с длинной бородой и с посохом в руке.

– Дедко Воик! – Вольга мигом вскочил и помог деду перешагнуть через давно упавшее и уже трухлявое дерево. Вместе прошли на полянку к серебристой иве.

Дед Воик устало прислонился к шершавому, в глубоких трещинах стволу. Справа от себя он поставил плетенную из гибких прутьев корзину, полную серо-белых пучков кровавника, пахучего твердолистого чебреца, нежно-зеленой мяты. Подолом длинной белой рубахи вытер сначала продолговатое лицо, прямой нос, морщинистую загорелую шею.

– Устал я, пока бродил окрестными местами. А в лес далеко идти и вовсе боюсь. Не упасть бы где ненароком. Как гнилая колода лежать буду, пока лесные твари не съедят.

Вольга улыбнулся. Знал он, что дед Воик неспешным шагом за день может обойти вокруг крепости не один раз, выискивая нужную лечебную траву. Просто решил посидеть с ними возле прохладной реки, вот и делает вид, что силы оставили старое тело совсем.

– Что притих, птицеголосый? – спросил дед у Бояна. – Или старого лешака испугался?

Боян смутился и, кашлянув в кулак, посмотрел на Вольгу. Тот понял друга, сказал деду Воику:

– Ты обещал нам, старейшина, рассказать о городе нашем. И о далеких предках. Расскажи теперь.

– О предках? И о городе? Рассказать об этом надо, потому как жизнь моя идет к вечернему закату – Дед Воик неспешно погладил правой рукой жиденькую бороду, задумался на время, а потом, глядя в тихую глубину спокойной реки, повел речь о своей далекой молодости и о том, чего он сам не видел, но знал по рассказам предков. Замерли листья старой ивы, тихо катилась под невысоким здесь обрывом Ирпень, будто и ветер и река слушали повесть деда Воика о старине да о славных делах предков.

– Давно то было. Так давно, что и дед мой Вукол не помнил, когда оно случилось. Род наш, уходя от жестоких чужеземцев, оставил свою землю. Много дней шли родичи по горам, шли лесами, через поля и вдоль рек на восход солнца, каждое утро принося требу¹⁵ огненно-ликому Сварогу, упрашивая Бога дать им спасение и новую обильную землю. Пробовали жить в горах и охотились на вепря¹⁶, жили в предгорьях – охотились на могучих туров¹⁷. Лето жаркое сменялось голодной зимой, а люди нашего рода все шли и шли. Оставляли старейшин позади себя в могильных курганах, а новорожденных младенцев омывали водами чужих рек.

Вукол уже сидел на коне вместе со старшими братьями, когда род наш вышел на берега Днепра, к горам. Места пустынные здесь были, обильные, рыбные, а в лесу зверя всякого – не счесть! Расселились просторно, с соседними народами породнились. И понимали друг друга хорошо. Долго жили так в мире и безбоязненно, растили детей и возвращали нивы, меняли зерно на железо у торговых мужей, которые приходили по Днепру. Да нахлынули со степи неожиданно жестокие хазары. Пришли не торг вести с нами, а дань брать!

¹⁵ Треба – жертва.

¹⁶ Вепрь – дикий кабан.

¹⁷ Тур – дикий бык.

Началась война, в долгих сечах сгибли многие наши предки, но живые отбились от находников и ушли в дремучие леса Приирпеня. Дед мой Вукол собрал их воедино, привел на эту кручу, устроил небольшой город. Не здесь, где теперь Белгород, а по ту сторону Перунова оврага. Прикрылись рвом глубоким да кручами реки и оврага. Там и просили Перуна и Сварога, Дажьбога и Велеса о помощи супротив врага...

Дед Воик замолчал, должно, еще что-то вспомнил, да раздумывал, говорить ли о том детям. Плеснулась голодная щука в камышах у противоположного низкого берега, ветер снова зашевелил ветви ивняка и понес собранные запахи степной полыни дальше на север.

– С той поры, – вновь заговорил старейшина Воик, – много времени минуло. Состарился и не ходил я более ратником в походы на византийцев и в степи вместе с княжескими дружинами, старейшиной рода стал. Да род наш совсем распался, разошлись люди по земле, теперь семьями живут, без старейшин. А князь Владимир отстроил новый город, крепкими стенами обставил, а более того укрепил. И воеводу дал славного – Радка. Его заставы вот уже седьмое лето берегут нас, как мы в свое время берегли Русь. То и вам предстоит, как пробьются у вас усы и закурчавятся бороды. Много ворогов у нас, жадных к добыче, кружат они над Русью да часа удобного ждут.

– Отец мой Славич ныне в дозоре, – надулся от важности Бразд.

– Верно. Славич в дозоре, и мы спим спокойно, – согласился дед Воик. – Добрый муж, таких мало теперь на Руси, бескорыстных.

Дед тяжело вздохнул, прикрыл глаза веками, солнце верхним краем поднялось над крепостными стенами, и лучи его пробивались на поляну сквозь верхушки ближних деревьев. Старейшина с трудом поднялся. Вольга помог ему, подал посох.

– Сварог уже росу полизал, парко скоро будет, – вспомнил дед Воик старого бога – Пойдука я ко двору, – опираясь на звонкий, руками отполированный посох, он побрел вдоль берега реки: высокий, сухонький, весь белый.

– Дедко Воик! – прокричал вдогонку Вольга. – Мы в лес пойдем, за излучину. Ягоды-земляники наберу тебе к ужину.

– Добро, Вольга, иди, я ждать буду, – откликнулся дед Воик и пропал за густыми кустами.

Боян опрокинулся на яркую зелень клевера, закинул руки под голову. Глаза его мечтательно следили за плавными движениями курганника над разбуженной солнцем степью. Курганник кружил между тремя белыми, почти круглыми облаками, то приближаясь к городу, то удаляясь на юг, к тревожащей русичей Дикой Степи.

– Были бы у меня крылья, – мечтал Боян, – поднялся бы я высоко-высоко в небо, как тот курганник! И Киев бы увидел. Там, сказывал мне отец Сайга, много красивых теремов и церквей новых с золотыми крестами. А в золотой палате сидит князь Владимир, и корзно¹⁸ на нем голубого бархата...

– Ест пряники медовые да ждет, чтобы ты сыграл ему жалобную песню отлетающего журавля, – договорил Вольга и дернул Бояна за русые кудри. Боян ткнул Вольгу кулаком в спину, оскалился и на четвереньках полез на друга. Ему стал помогать толстяк Бразд. Вдвоем навалились на старшего товарища и с визгом покатались по клеверу.

– Пощадите, изверги! – прокричал Вольга сквозь смех и оханье. Он не выдерживал тяжести Бразда, который уселся на поверженного верхом и стал изображать из себя лихого всадника. – Ох, слезь, кадь с тестом! Все кишки мне перемял!

Вольга вырвался из цепких рук друзей и, высоко вскидывая длинные ноги, дурашливым жеребенком помчался через поляну, вдоль берега, но не в сторону города, а от него, к излучине реки. Боян и Бразд, хохоча, погнались за ним. Плотное зеленое одеяние леса закрыло от ребячьих глаз небо и солнце. И далекий, у горизонта, дым сигнального костра.

¹⁸ Корзно – накидка, плащ.

Степь колышется

*Как не пыль-то в чистом поле запылелася,
Не туманушки со синя моря подымалися,
Появлялися со дикой степи таки звери.*

Былина «Устиман-зверь»

Дивно, поди, звонкому жаворонку сверху смотреть: пашня – черная и конь черный, а на пашне в белом платно¹⁹ – человек. Не иначе – видится птахе, что человек этот, налегая всем телом, сам толкает тяжелое рало и так пашет! И чернокрылых грачей не видно, но слышно зато, как хлопают тугие крылья, когда перелетают с борозды на борозду, да изредка два молодых грача дерутся из-за червя.

Крикнул ратай²⁰ Антип, понукая вороного коня, скрипнуло рало, железным наральником врезаясь в землю. Непаханое поле поддавалось нехотя, сплелось накрепко корнями трав, кустов, выкорчеванных деревьев. Чудно пахла не рожавшая еще молодая пашня!

Думал Антип, в рало упираясь, о жизни и о себе, о себе и о земле. Солнце ласкало ратая по лицу нежаркими по началу дня лучами, а со степи изредка набегал бодрый, пахнувший многотравьем ветерок. Набежит, стряхнет на босые ноги холодную росу с непаханной еще стороны поля, поиграет черными волосами ратая, пошепчет озорно в уши – и был таков, лови его, коли что не успел расслышать!

Легко думалось в такое чудное утро, да думы были нелегкими. И конь есть у ратая, и рало есть, растут два сына – помощники в старости и опора. Да две дочери в доме – кто теперь за них вено²¹ готовит. Есть ласковая и заботливая жена. Живи и радуйся, ратай Антип. Но волнуется сердце ратая с каждым днем все больше и больше. И не только за себя и брата Могуту, который сидит на особине²², взятой у богатых мужей для прожития. Из года в год все крепче и крепче притесняют свободных ратаев князь и княжьи мужи: волостелины, посадники, сборщики дани – вирники. За все теперь надо платить князю: от дыма – живешь на княжьей земле, от рала – пахешь землю, князем пожалованную, от всякого злака – ты есть хочешь, но и у князя на Горе в Киеве ртов много, пить-есть тоже хотят!

А прежде, много лет назад, и лес, и поле над Ирпень-рекой принадлежали всему роду. Сообща предки обрабатывали поле и делили потом на всех выращенное. Одна была забота у ратаев – от степи уберечься. Принял на себя эту заботу князь Киевский и загородил ратаев дружиной. Да отнял у них право на свободную землю. А богатые мужи сами и не пахут обильные земли, на Горе возле князя сидят, ему в руки смотрят, на пашни свои сажают рядовичей²³ да закупов²⁴. Куда ни глянь теперь – всюду чужие знаки – знамена стоят!

Стонут ратаи от княжеских вирников, да терпят: за ними князь – за ними и сила. Но от этих хоть данью откупиться можно. Хуже, когда пришлые собаки со степи набегут. Эти не только скорбь отнимут, а и самого возьмут на продажу в рабство. Оттого и тревожно ратаю в поле. Чуткое ухо постоянно прислушивается: не колышется ли степь под копытами печенежских коней?

¹⁹ Платно – длинная рубаха.

²⁰ Ратай – пахарь.

²¹ Вено – выкуп за невесту.

²² Особина – участок земли, взятый в аренду.

²³ Рядович – человек, заключивший договор (ряд).

²⁴ Закуп – человек, взявший в долг (купу).

Ратай Антип дошел до края недлинного загона и остановился. Сняв с рукоятей рала руки, подул на покрасневшие, набитые до жестких мозолей ладони, потом наклонился к густому ковылю и остудил натруженные пальцы прохладной росой. Тихо и просяще заржал конь. Антип подошел к нему, ласково потрепал гриву и заботливо вытер травой бока, приговаривая:

– Устал? Как дойдем до реки, поить тебя стану. Там и роздых нам будет.

Берег Антип коня: без коня как поле возделаешь? И чем детей растить станешь? Одна будет дорога – тернистая и по самому краю трясины: писаться в рядовичи. Тяжкая дорога! По ней ушло уже много из бывших однообщинников Антипа. И канули в той трясине. Никто не выбрался назад. Так рыба попадает на стол: сунулась в сеть одной головой, а сгибло все тело. Так и заяц попадает в когти совы: вышел покормиться, да сам пищей стал!

Близ берега Ирпень-реки ратай Антип остановился на роздых, вывернул рало из земли, подошел к обрыву. Туман уже поднялся от воды и отступил, гонимый лучами солнца, в глухомань зарослей левобережья, забился там в подкоренья – теперь будет терпеливо ждать новых сумерек. Антип склонился над обрывом. В лозняке, у самой воды, мелькнули два загорелых тела. Послышался смех, а потом шум падения в воду, и волны, догоняя друг друга, пошли по сонной реке от ближнего берега к дальнему.

– Помощники, – добродушно проворчал Антип в короткую бороду, испытывая большое желание скинуть платно и тоже ухнуть головой вниз, в прохладу утренней реки. Да поле пахать надо. Вот поднимет его, а по осени посеет здесь жито. Урожай будет знатный, и труд его – Антип верил в это – окупится с лихвой.

– Василько! Милята!

На крик из густой дебри высунулась мокрая голова, сверкнула большими карими глазами. Вслед за первой показалась и вторая, тоже черноволосая и мокрая. То были сыновья ратая Антипа. Старшему, Васильку, уже исполнилось четырнадцать лет, был он приземист и крепок, словно родился для сечи и для пашни. Младший же, двенадцатилетний Милята, тонкий и душой нежен, словно девица. Из него какой воин? Крови страшится. Обрезал днями ногу речной осокой – дурно ему стало, инда на траву упал. Антип в душе был разочарован слабосердием Миляты, но была надежда, что жизнь изменит характер сына. Кто знает наперед, как чьею судьбой распорядится Бог? Вон, на круче реки, вчера еще росла березка рядом с тополем. Грянуло минувшей ночью лихое ненастье, и что же? Гибкая березка и веточки не потеряла на ветру, а вековой тополь чем-то, видать, прогневил Перуна. Быть может, нравом гордым – не хотел голову склонить, не уступил напору ветра? И ударил его молнией грозный бог, на корню сжег, прервал жизнь до срока.

И теперь еще, поутру, дымится черный ствол старого тополя, а трескучие сороки облетают его стороной.

– Василько, коня поить время.

Конь пил прохладную, пахнущую сырым камышом и влажными кувшинками воду жадными глотками. Василько ласково почесывал его за ухом. Конь обернулся и ткнул отрока в голое плечо мокрыми губами.

И вдруг...

– Отче, гляди, что это? Дым?

Антип вздрогнул от крика Миляты и, напрягая зрение, стал всматриваться в слабый дымок, который вставал над отдаленным, к югу от них, лесистым холмом. К сердцу подкатилась глухая, еще не осознанная тревога. Что за дым это? Может, от костра путника, что сушит одежду после ночной грозы? Или от огня, у которого дружинник сторожевого поста жарит взятую стрелой куропатку?

Дымок на холме разрастался все выше и выше, темнел и клубился. Ему отозвался другой, ближе к Антипу. Недалеко от них, в трех или четырех поприщах²⁵, взвился, вырвавшись из-под влажных листьев, темно-синий дым, за клубился к небу, склоняясь в сторону севера: туда дул ветер над степью.

Тревога, люди земли Русской! Тревога! Печенежская орда идет!

– Василько, прячем рало! – закричал Антип. Когда рало пристроили под ракитовый куст, Антип подхватил Миляту и почти вскинул на коня.

– Василько, держись за узду. – Антип не успел и ладонью ударить коня, как старший сын уже пустился в бег рядом.

– Ходу! Ходу! – кричал Антип, держась рукой за гриву вороного. И взмолился к богам, к старым и новому, христианскому:

«О могучий Бог неба! И ты, громовержец Перун! И ты, покровитель скота бог Велес! Вдохните свежие силы в уставшего коня, донесите его на своих могучих крыльях к родному подворью! Дайте спасти род мой для продолжения жизни, для прославления богов земли Русской».

Бежал ратай Антип, а сердце тяжело и круглым камнем билось о ребра, норовя вырваться из груди. Соленый пот катился со лба на ресницы, ел уголки глаз у переносья, скапывался по глубоким складкам на пересохшие и горькие губы. Пожалел теперь ратай Антип, что поставил избу не в Белгороде, как брат Могута, а в поле, ближе к ниве. Не хотелось соседствовать с посадником да волостелином, мелькать ночной бабочкой у их жаркого огня: не опалить бы крылья. И не хотелось еще ему, чтобы дети росли сорной травой под стенами крепости: солнца мало там и не сияет оно во всю ширь небосклона, а косой дождь летом не смывает густой пыли с травы на подворье.

Захотелось жить на приволье. Да рано, зная, выпал птенец из родного гнезда: кинулся в лет, а крылья-то не держат! Не время и свободному ратаю отрываться от людей далеко. Защитить себя один кто сможет? А сообща отбиться можно.

Между тем конь сбежал уже с пологого увала, они обогнули небольшую рощицу из молодых берез и увидели двор. Через открытый дымник²⁶ земляной крыши избы-четырёхстенки густо шел дым: жена Павлина топила очаг, готовила обед.

– Павлина! – закричал Антип, задохнувшись от бега. На крик выбежала темноволосая жена, взятая Антипом за большой выкуп у торка-кочевника. Приучена была жизнью с детства к постоянным тревогам, род их кочевал с разрешения князя Владимира по реке Рось, совсем рядом с печенежской степью.

– Кличь детей, Павлина! Печенеги идут со степи! – заторопил Антип Павлину.

В избе громко охнула старшая дочь Ждана, что-то упало на пол, крошась на куски. Антип торопливо выкатил из-за избы телегу, вдвоем со старшим сыном впрягли коня.

– Хлеба возьмите побольше! Хлеба! – крикнул Антип жене и дочерям, вновь поторопил: – Да живее! Бросайте корчаги! Куда их? Сами садитесь!

От натуги покраснело лицо Василька: тащил перед собой на вытянутых руках куль с житом, кинул в телегу и за вторым побежал. С трудом удерживая концы передника, спешила с выпеченным хлебом Ждана, волокла почти по траве торбу с мукой младшая дочь Арина. Антип принял от Павлины куль с ржаными сухарями – словно знал о будущей беде и наготовил заранее – наконец-то гикнул и ударил коня вожжами. Телега покатила по выбитой конскими копытами дороге вдоль Ирпень-реки к Белгороду. Екало что-то внутри у коня, и екало сердце у ратая Антипа, ходила по груди волна замораживающего душу страха. Гнал коня и без конца

²⁵ Поприще – расстояние в 2/3 версты.

²⁶ Дымник – отверстие в крыше для выхода дыма из очага.

озирался, приглядывался к зарослям на берегу реки, куда лучше нырнуть, если печенеги станут наступать. Но спасут ли кусты?

По широкой степи с юга к Белгороду вместе с ними скакали верхом и тряслись в телегах или просто, спотыкаясь уже от усталости, бежали люди. Бежали под густой звон сторожевого колокола, как к муравейнику муравьи, которых вот-вот настигнет надвигающаяся гроза. На лужайке близ реки седая старуха, хватая беззубым ртом воздух, из последних сил тащила к городу бурую корову. Та упиралась, мычала и красным языком тянулась к сочной траве: не напаслась еще досыта, не хотелось ей снова в тесное стойло.

– Яку-уня-я! – вскрикивала то и дело старуха. Наконец на ее крик из-под речного обрыва выбежал мокрый отрок, увидел Белгород с раскрытыми воротами и все, что творилось вокруг, взмахнул длинной хворостиной, и корова метнулась вдоль реки к городу. За нею бежали отрок и его старенькая бабка.

Антип торопил коня, торопил и не видел, как далеко позади, у горизонта, широко растянувшись по степи, уходила к крепости от печенегов дозорная застава Славича.

Последний бой Славича

*Тут кровавого вина не достало;
Тут пир закончили храбрые русичи,
Сватов напоили, а сами полегли
За землю Русскую.*

Слово о полку Игореве

«Приходящему последним достаются лишь кости!» Князь Анбал не раз слышал эти слова от старых князей, он знал основной закон набега, походов на чужие земли, поэтому и ярил коня плетью, стараясь со своим полком первым выйти к Роси, следом за сторожевым полком, посланным каганом для разведывания брода и русских застав.

И вышел первым, увидел разгром сторожевого полка: несколько десятков всадников гнали замученных коней им навстречу. Но князь положился на Бога и удачливую судьбу. Если впереди враг – значит, будет сеча, а в сече побеждает тот, кто отважнее. В отваге своих всадников молодой князь не сомневался. Его путь – через русскую заставу, на Белгород. Будет победа, тогда и другие князья склонятся к дружбе с ним, а это так важно в предстоящей драке с каганом за место в Белом Шатре.

Вот и Рось, но русичей не видно на том берегу. Может, ушли, убоявшись большого войска? Тогда в погоню!

Скользили кони, съезжая по мокрому спуску к реке, потом печенег продирались через коряги, а наиболее нетерпеливые, разгорячив скакунов, оказывались в воде: разъяренные кони сбрасывали всадников под копыта. Гомон повис над рекой, кричали люди, ржали кони, перепуганные вороны стаей кружили над бродом.

– Вперед! Вперед! – призывал князь Анбал, высясь на красивом белом коне над кручей Роси, над тысячью конников, сошедших уже к броду. – Кто первым вступит на тот берег, получит лишнюю долю добычи!

Кому же не хочется быть первым? Свистят над головами плети, пенится Рось под копытами нетерпеливого полчища, выходит из берегов – заступили конские тела дорогу воде, великое их множество идет на Русь топтать поля, жечь селения и ловить в полон для продажи за море.

А левый берег все молчит. Молчит и темный лес, настороженный и затаенный. Не шелохнется густой ракитник, не треснет под ногой прошлогодняя хрупкая ветка осины.

И птицы умолкли, оглушенные ржанием и криками, а голодное воронье отлетело прочь, так и не успев насытиться телами мертвых, брошенных течением реки на песок.

Но вот и берег русичей!

Анбал успел увидеть, как молодой всадник радостно вскинул вверх правую руку с кривым мечом, а потом обернулся к князю, чтобы прокричать свое имя, но вместо этого из горла вырвался испуганный вопль:

– Русичи! Русичи здесь!

Ломая кусты, из леса стеной вдруг выдвинулась русская застава, сверкая на солнце сотнями щитов. Анбал увидел спокойно выходящих для сечи русичей и почувствовал, как холодная испарина взмочила волосы на висках. «Откуда эти огромные богатыри на огромных конях? – ужаснулся он. – Не князь ли Владимир со старшей дружиной встал на пути? Не обманул ли он Тимаря через коварного грека? Ударят теперь по войску, которое сгрудилось у брода,

и сгинет он, Анбал, не дожив до вечерних сумерек, если не от чужого меча, то от жилистых рук беспощадного Тарантула».

– Проклятье! – Князь Анбал увидел, как в замешательстве стали его всадники, и зло хлестнул невинного коня, вздыбил его. Но тут же успокоил, похлопав по шее. Что могут сделать русичи одной заставой против его войска? И если они все же решились погибнуть все здесь, в прибрежных кустах, то чем думают защищать свою крепость? Так пусть и ложатся в лесу, а ему нет времени долго стоять и думать.

– Вперед, дети степи! Вперед! – кричал Анбал с кручи, надрывая грудь – Их совсем мало! Рубите бородатых медведей! Вперед, за лесом вас ждет просторная дорога! Там ждет нас богатая добыча!

И всадники слышали его. Закрывшись щитами, густо пошли на берег, бросая на попечение Бога упавших в реку. Но русичи снялись с места и пустили коней прочь от брода, в междулесье, не решаясь на сечу. Как мало их оказалось.

Вид убегающего придает храбрости даже робкому. А кто назовет робким печенежского нукера? Кинулись всадники степей следом, криками себя же подбадривая.

– Славно пошли! Славно! – Князь Анбал воспрянул духом и снова поверил в свою счастливую судьбу, а от недавнего переживания не осталось и следа. Теперь пора и ему перебираться на тот берег, чтобы успеть вместе со всеми вырваться на простор Заросья. Пусть нукеры видят своего князя не только за спиной, сидящим на белом коне, но и с мечом в руках, впереди всех.

Вот и край поймы. Передовые печенежские всадники, теснясь, начали заполнять узкое междулесье. Кони набирают бег, кроша влажную от дождя землю сильными ударами копыт. И у каждого печенега теперь одна цель: только вперед. Там, за этим лесом, вежи русских ратаев, там и долгожданная добыча. А чья рука окажется длиннее, тот и обогатится первым. Не опоздать бы только перед другими!

Но никому не дано наперед знать свою судьбу: только что соколом летел человек на разгоченном коне – и вот нет его, неистового, а лежит на земле неподвижно, успокоенный навеки.

До князя Анбала донесся сначала приглушенный лесом и конским храпом стук топоров, а потом громкие крики: «Разом! Вали!» – и огромные вековые дубы, треща и цепляясь ветками друг за друга, с двух сторон рухнули на головы печенегов. Дикий, раздирающий уши вопль хлестнул Анбала по сердцу. Конь под князем взвился на дыбы, а потом, спасая себя и всадника, огромным скачком прыгнул в сторону, влево от дороги, в гущу леса. За спиной кричали нукеры, раздавленные могучими стволами, пронзенные острыми сучьями. Хрипели и бились о землю покалеченные кони.

Кинулись, спасаясь, ближние печенеги следом за князем, прочь от междулесья – в лес. Но укрытая травой земля вдруг раскрыла под ними страшный зев, кони падали в темные и сырые ямы, ломая ноги, распарывая животы об острые колья. Волчьи ямы перекрыли путь печенегам, принудили слезать с коней и продираться сквозь заросли неспешным шагом, прощупывая землю перед собой.

А там, в междулесье, все падали и падали деревья, превращая недавно еще призывно открытую дорогу в непролазные завалы. И где-то совсем рядом кричали русичи, одним ударом топора валили заранее подрубленные деревья.

– Так! Так! Так! – выкрикивал князь Анбал, словно не лес, а русскую дружину рубил в неистовой ярости. Летели под ноги встававшие на пути ветки. Яростью князя заразились и его нукеры. И князь и нукеры слышали за стеной завала, совсем неподалеку, крики тех, кто успел проскочить вперед.

Жажда мести захлестнула молодого князя, чужой крови, огня и дыма чужих изб. Забыл в этот час князь Анбал, что это он пришел незвано на чужую землю, а не в его вежи вошли бородатые русичи. Это он пришел за синеоким и русоволосым полоном, за чужими шелками и

дивными камнями-самоцветами, а не в его шатер вошли русичи и посягнули на честь и жизнь его жен да на немалый княжий достаток.

Князь Анбал разъярен хитростью русичей. Только головами врагов может он теперь утвердить свое положение среди остальных князей и нукеров. А потому – меч рассудит его и этих коварных жителей северных лесов.

Пробился князь Анбал, исцарапанный в кровь ветками, на простор Заросья и увидел в траве своих нукеров, осиротевших коней и множество следов на мокрой земле.

А далеко впереди, ближе к горизонту, темнела уходившая на север к Белгороду конная застава русичей. Анбал молча указал на нее обнаженным мечом и пустил коня следом.

* * *

Как ладонью не укрыться от дождя, так и малой силой не остановить большого войска. Знал это сотенный Славич и спешно уводил заставу от Роси, спасая от неминуемой гибели. Летела комьями сырая земля из-под копыт сильных коней, а Славич все торопил дружинников. Разъяренными вырвутся теперь печенеги из губительных завалов. Будь у Славича под рукой хотя бы до тысячи мечей, сумел бы он ударить по войску кагана у междулесья, сбить в реку замешкавшихся у брода находников. Но такого войска у него не было. Потому и спешил Славич уйти как можно скорее в Белгород, чтобы вместе с воеводой Радком вновь встать на пути Тимаря. Побойтся каган, минуя Белгород, подступиться к Киеву, не зная силы русичей у себя за спиной.

Вот и Ирпень-река. Славич остановил заставу на высоком берегу, откуда далеко видна степь, незамеченным не подойти. Дружинники сняли седла с уставших коней и перенесли на поводных. Рядом со Славичем Тур смотрит против солнца, глаза прикрыл ладонью.

– Идут, Славич! Тучей идут по следу.

Славич поднялся в седло и глянул на юг – там, извиваясь черной змеей, скользила между увалами печенежская конница.

– Недалеко мы от них ушли, – забеспокоился Славич, крикнул своим дружинникам: – На конь! – а потом повернулся к Ярому: – Успеем ли? Ходко идут печенеги.

Ярый скакал со Славичем стремя в стремя, а впереди сверкали шеломы дружинников – старшие были там, откуда враг лучше виден.

– Самых быстрых пустили в угон! Числом до десяти сот, не мене, – ответил Ярый. Славич снова обернулся: скажут, быстро скажут степняки! Их кони в нить вытягиваются над ковылем, всадники к гривам легли, секут воздух перед глазами коней острыми наконечниками черных хвостатых копий.

– Уйдем! – подал голос сбоку Тур. – Смотри, Белгород уже открылся.

В дни праздника Купалы на игрищах у костров столько людей не собиралось, сколько собралось теперь перед крепостью. Заныло сердце Славича. Сколько их, гонимых страхом, бежит из последних сил, озираясь и взывая к Богу о спасении! И сколько их падет сейчас под печенежскими мечами, не успеет вбежать в крепость, если не задержать врага.

Но даже ради спасения этих ратаев Славич не мог жертвовать заставой. Славич подозвал старшего товарища.

– Ярый! Возьми заставу, охвати бегущих и торопи их в крепость резво! Пусть дружинники сажают к себе на коней самых немощных!

– А ты? – спросил Ярый.

Славич махнул рукой в сторону печенежской конницы: сверкая чешуей щитов, она огибала уже дубовую рощу близ Ирпень-реки, нацеливаясь острием отсечь русичей от ворот, отогнать в степь. Здесь, в узком месте, есть еще возможность если не остановить, то хотя бы задержать находников на малое время.

– Славич, возможно ли такое? Их тысяча!

– Спеши, Ярый! Заставу на твои плечи кладу!

Ярый сморщил и без того изуродованное шрамами лицо, хлестнул коня плетью и пошел быстро вперед, увлекая заставу за собой. Славич, оставив при себе полусотню дружинников, повернулся против печенегов. Вот теперь, когда находники приблизятся на полет стрелы... Он смотрел на печенегов, а мысли витали над родным Двором. Своей службой в дружине он не скопил для себя и малого числа гривен²⁷: не там золото-серебро лежало, где конь Славича землю топтал. Да и не искал он его, озабоченный защитой родной земли от жестоких степных разбойников. Как отец его и дед служили князьям киевским, так и он, Славич, сколько помнит себя – все время перед глазами покачивается голова верного коня, широкий наконечник копья да бескрайняя степь.

А рядом уже земля стонала от конского топота. Стрелой, словно перегоняя ветер, впереди темного войска мчалась сотня отборных конников, оторвавшись от остального отряда на два-три перестрела²⁸. Впереди печенегов скакал огромный меднолицый богатырь на рослом коне. Длинная грива коня развевалась от бешеной скачки, поводной конь рядом, притомленный, едва успевал, вскидывая голову и роняя пену с губ.

– Ежели сломать наконечник, – сказал Славич, – тогда стрела потеряет свой лет, – и потянулся к колчану. Ну, други, готовьтесь испить смертную чашу! – Голос Славича не дрогнул, когда он произносил эти слова, лишь легкий холодок прошел по спине да конь тревожно заржал, чуя близкую сечу. Подумалось Славичу: «Люди не оставят Бразда, ежели теперь смерть приму, других спасая...»

– Мы готовы, Славич, – почти разом отозвались Тур и Микула. Тур на земле одинок, ему и в мыслях проститься не с кем, у Микулы оба сына женаты давно, отрасли орлы крепкие крылья, своих орлят учат уже летать. Не осиротеют, коли старый отец падет в сечу. Справят тризну²⁹ по нему, как велит древний обычай, да на стены встанут, род от гибели оберегая. А о нем сохраняют добрую память для внуков.

– Если так, то будем биться! – Славич повернулся к дружинникам – Бейте стрелами передних. А там – да поможет нам Бог! Мы же не посраим чести своей.

Замерла тетива у правого уха, набрав силу для броска. Щелчки слились в сплошной треск, и стрелы взвились в воздух. Смялось острие печенежского передового отряда: тот упал замертво, этого подмял под себя на всем скаку тяжелый конь. А иной, оказавшись перед страшными русичами, убоялся, придержал коня – пусть кто-то другой примет стрелу в себя. Но как ни метки были стрелы, печенеги неудержимо накатывались на русичей. Спешат находники, влекут их к себе призывно распахнутые ворота крепости. Еще рывок разгоряченного коня – и они в Белгороде! А там добыча. Там богатый полон, который так ценится у византийцев!

Славич надвинул шолом пониже на глаза, выкрикнул:

– Други, прикройте! И бейте тех, кто проскочит мимо!

Зимним, холодным блеском сверкнул на солнце тяжелый меч Славича. Звякнула о щит сталь вражеского копья, кони ударились друг о друга и встали на дыбы, сплетя передние ноги. Печенег удержался в седле и, отбросив сломавшееся копье, потянул из ножен кривой меч. Да не успел. Славич привстал в седле, крикнул, как дровосек над крученым поленом вяза. Печенежский щит разлетелся надвое, и беспощадная сталь тяжело вошла в тело.

Упал печенег, да налетело еще несколько. Чей-то меч, скользнув со щита, ударил Славича по плечу, и слетело прочь медное оплечье. Но кольчуга выдержала удар. Тупая боль разлилась по телу, да разве до боли было теперь? Уцелели бы жилы в руках. Всадник пронесся мимо,

²⁷ Гривна – фунт серебра.

²⁸ Перестрел – расстояние, равное дальности полета стрелы.

²⁹ Тризна – поминки по усопшему.

но там его перехватил Микула и принял на копье. Большинство печенегов из передовой сотни не решились на сечу, сдерживали коней. А помощь им совсем уже рядом, чуть больше полета стрелы...

– Отходи! Отходи! – кричал Славич дружине, видя, как печенеги снова готовятся ударить гораздо большим числом.

Русичи стрелами отбивались, пятили коней к Белгороду, но спины находникам не показывали. Славич отходил последним, да Тур с Микулой бок о бок с ним пятятся, стрелами сбивая ближних печенегов. И видели, как от вражеских стрел гибли рядом товарищи, кто сразу насмерть сраженный, кто ранен, а все пытается натянуть тетиву...

– Славич, гляди! – вдруг закричал Тур и тяжелой палицей указал на крепость. Сотни ратаев сгрудились у моста через ров, где и о двуконь едва пройти. Страх за Белгород подступил к сердцу Славича: «Уцепятся печенеги за хвост убегающих и войдут в крепость... Или воевода закроет ворота, а люди сгибнут под стенами!»

Славич снова повернул коня навстречу печенегам, за ним последовали уцелевшие дружинники. Услышал, как подскакали и встали обок Тур и Микула, впереди остальных. Встали молча, слов они не говорили друг другу. Много их уже было сказано за долгую жизнь в трудных походах и за бражным столом, когда случалось собраться у князя Владимира в просторной гриднице³⁰.

Рванулись было печенеги вверх от излучины реки, по дороге к воротам, да русичи заступили им узкую дорогу. Злобный визг повис и закрутился на месте схватки. Но Славич и его товарищи бились молча: берегли дыхание. Падали обок Славича верные товарищи, но каждый, уходя из жизни, уносил с собой две, а то и три печенежские жизни. Вот их уже и десять человек всего за спиной... Звенит сталь, вздрагивает голова от тяжелых ударов мечей о шолом, легкий туман застилает глаза, мешает разглядеть очередного печенега, летящего с выставленным длинным копьем.

Горько Славичу терять друзей, о них теперь его забота, не о себе. Задыхаясь от натуги, машет тяжелым мечом и кричит:

– Тур! Микула! Уходите... Уходите за Ирпень, я прикрою вас!

Ближние печенеги отхлынули разом, как обессиленная волна от гранитного утеса. Но вторая волна оказалась сильнее первой. Выставили находники копья и кинулись вперед. Славич снова сумел отбить копье, нацеленное в грудь, и ударом снизу, под щит, свалил печенега. Но слева протяжно охнул Микула и тяжело упал с коня: испил чашу жизни до последнего глотка! Острой болью отозвалась смерть товарища, который не один раз прежде прикрывал его в сечах своим щитом, а то и грудью. Снова крикнул Туру, чтоб уходил, а сам отбивает находников уже с трех сторон. Звенит вражья сталь о щит, о шолом, тело совсем не чувствует боли. Но держится Славич, пока кольчуга держит удары. На три взмаха врагов отвечает одним, зато страшным. Сквозь крики, сквозь звон стали услышал за спиной голос Тура:

– Не уйти нам, Славич! Крепость закрывает ворота. Печенегов со стены стрелами отбили.

– Ну и славно! – Славич снова взмахнул мечом.

Но тяжелый удар в спину поразил Славича: не выдержала кольчуга – разошлась и пропустила жало вражьего копья. Взвился серый конь на дыбы, пронзенный сразу несколькими копьями, рухнул на землю, телом закрыв мертвого хозяина. А рядом, выронив длинную палицу, под ударами мечей – без стоны – опустился на вспаханную копытами землю Тур.

Хищными воронами покружились печенеги над павшими русичами, потом, словно вспомнив, зачем явились под стены Белгорода, ударили коней и пустились наметом вверх от места сечи, к городским воротам.

³⁰ Гридница – комната для воинов – гридней.

Но копьём стену не порушить. Город ошетинился, изготовился к смертной схватке, встретил находников меткими стрелами, и потекла печенежская конница вдоль вала, как обтекает речная вода, выйдя из берегов, встретившийся на пути крутобокий холм. А впереди пыльного войска на белом коне красовался князь Анбал, гордый тем, что его полк загнал русичей за городские стены.

Дым вражеских костров

*Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржання лошадиного,
Унывает сердце человеческо.*

Былина «Илья и Калин-царь»

Михайло остановил деревянную ложку у самого рта – не дообедал! Сначала конский топот, а потом и зычный крик бирича³¹ ударил в слюдяное оконце из-за городьбы вокруг подворья.

– На стены спешите, люди! На стены! Печенеги идут!

Михайло смахнул жесткой ладонью крошки хлеба с русой бороды, а усы утереть и времени нет. Разом поднялись из-за стола.

Оружие у русича всегда под рукой – тревожная жизнь к тому приучила. Легла на крутые плечи кованная из колец тяжелая кольчуга – сам для себя ковал. Виста, жена, подошла и быстро расправила железные пластинки-нагрудники, чтоб защитили мужа от стрелы.

– Янко, готов? – Михайло подпоясал меч, принял щит из рук Висты и повернулся к сыну. Только что прискакал со степи Янко с известием о первой сече над Росью. И еще теплилась у белгородцев до этой минуты надежда, что не осмелится Тимарь, встретив заставу, перейти Рось. Но вот ударил на сторожевой башне колокол, позвал на стены – враг стучится уже в двери.

Виста ткнулась лицом в укрытую железом грудь Михайлы, залилась слезами. По-девичьи узкие плечи ее затряслись.

– Будет тебе, Виста. – Михайло успокаивал жену, неумело ласкал русые волосы Висты рукой, шершавой, иссеченной бесчисленными черными трещинками. – Береги детей от случайной стрелы. Вольга с реки прибежит, во дворе пусть сидит. На стену не пускай, мал еще.

Старейшина Воик ждал сына и внука посреди горницы, перед очагом. Он держал два темных мешочка на белых тонких жилах, надел сначала Янку, а затем и Михайло на шею и засунул под кольчугу. По спине у Михайлы пробежал мороз, когда прикоснулись, будто неживые, такие холодные руки старейшины Воика.

– Да хранит вас могучий Бог неба и обереги³² эти – земля с могильного кургана старейшины рода нашего Вукола. Трудное время подступает к Белгороду, и кто знает, чем оно кончится. Ступайте! И бейтесь крепко, а мы будем богов молить за победу вашу.

Михайло и Янко поспешили к стене. Навстречу им, будто осенние листья, гонимые безжалостным ураганом, вливались в ворота шумные и напуганные людские толпы. Бежали пешие, кто с чем. Скакали конные – и один, и двое на коне. Ехали ратаи в телегах со скарбом – эти жили поближе к крепости, – ехали и впусе, только с детьми да женами. У коих к телегам привязана веревкой говьяда³³ или овца, редко у кого второй конь, таких совсем мало.

Навстречу Михайло метнулась убогая Агафья: глаза безумные, между людей кого-то высматривают.

– Люди! Могуту кто видел? Не встречался ли вам где Могута?

³¹ Бирич – глашатай, посыльный.

³² Оберег – талисман.

³³ Говьяда – бык или корова.

Ответить ей не успели, сама поняла, что кузнец не видел ее мужа. Ящерицей юркнула в людскую гущу, к воротам, навстречу бегущим со степи. И донесся до Михайлы ее детски-радостный крик:

– Могу-ута! Ты жив!

Поднялись на вал, потом взошли вверх по ступенькам деревянной лестницы на помост стены и вдоль частокола прошли к угловой башне, откуда видны были южная степь и подход к Белгороду вдоль пологого склона к Ирпень-реке. Мимо прошел воевода Радко: волнистая борода расчесана аккуратно, только полные щеки белы от волнения. Мало сил теперь в Киеве, чтобы выступить навстречу Тимарю, а в Белгороде у него и того меньше. Самим не отбиться будет, если Славич, минуя крепость, уйдет в Киев. С чем тогда встретит находников он, белгородский воевода?

Обрадовался, когда увидел заставу Славича на подходе, и в мертвом безмолвии смотрел на короткий, как удар молнии, бой русичей близ берега Ирпень-реки.

– О, Славич! – только и выдохнул сквозь стиснутые зубы воевода, вцепившись закаменевшими руками в заостренные верхи бревен. Михайло, понимая воеводу и сочувствуя ему, осторожно перевел дыхание, шевельнул плечами: под кольчугой к потному телу прилипло платно. И в сече не был, а так взмок!

Подошел бондарь Сайга: поверх рабочего платна, испачканного светло-желтой смолой, надета просторная, видно, с чужого плеча, кольчуга. Длинные рыжие волосы перехвачены белой неширокой тесьмой, а в руках, покрытых следами старых ссадин, большой лук. Иного оружия бондарь не знал, но из лука стрелы в цель слал отменно.

От Киевских ворот крепости неожиданно, а потому и радостно пронеслась по белгородским стенам добрая весть:

– Идет! Дружина из Киева к нам в помощь идет!

– Велика ли? – кричали те, кому не было видно Киевских ворот и входящих дружинников. И тянулись люди, пытаясь посмотреть с западной стороны на другой край Белгорода. Но дорогу на Киев за восточным частоколом не увидать, а ворота заслонены теремами и церковью. В просветах между высокими постройками мелькали поднятые вверх копыя.

– Где воевода Радко? – пополз по стене спрос. По помосту поспешно шел дружинник. Михайло до сего дня его не видел, а когда киевлянин приблизился, разглядел чистое лицо, густые русые усы, которые дотянулись уже до короткой курчавой бороды. Широкая грудь дружинника укрыта поверх кольчуги железными нагрудниками, и они легко позвякивали при каждом его шаге.

Подошел киевлянин и поклонился воеводе, тихо сказал:

– Здоров будь, воевода Радко. – А на лице и в голосе – скорбь.

– Здоров будь и ты, Вешняк, – ответил воевода.

Тепло засветились его суровые глаза.

– Послал меня воевода Волчий Хвост, едва в Киеве увидели дым сигнальных костров. Убоялся Волчий Хвост, что застава Славича может сгнать у брода, пустил меня и полтораста дружинников в помощь тебе дал. А больше послать не мог – за Киев страшится. Вошла застава в город?

– Вошла... да без Славича и многих дружинников, – раздался за спиной Михайлы знакомый, хрипловатый голос. Обернулся Михайло – Ярый идет, тяжело дышит: сказала долгая скачка, утомила старого воина. Ярый поклонился воеводе.

– Прими и нас, воевода Радко, под свою руку. Так Славич повелел сказать, меня с заставой отсылая... – Ярый не договорил, слова застряли за плотно сжатыми, бескровными губами.

А печенег уже под стенами. Впереди всех на гнедом коне Михайло приметил статного всадника. Высокая меховая шапка украшена пучком длинных белых волос. Над круглым щитом видна черная, орущая, дыра рта. Но вдруг со стены ему в грудь ударила белохвостая

стрела, даже щитом не успел прикрыться. Всадник выронил щит и, хватнув воздух, завалился назад. Норовистый конь взбрыкнул, сбрасывая мертвое тело, и поскакал один вдоль глубокого рва, мотая над травой пустыми стремянами. Сайга торопливо тянул из колчана вторую стрелу, но печенеги, будто опомнясь, пошли вдоль белгородских стен, огибая крепость.

– Неужто на Киев уйдут? – спросил сам себя Михайло, провожая взглядом голову печенежского войска до левой башни. Но клубы пыли пересекли дорогу, что идет в сторону Киева, и двинулись вокруг крепости к Перунову оврагу.

– Обступить нас хотят, – проговорил с хрипотцой в горле бондарь Сайга.

– Сколь их нечистая сила нагнала на Русь, – сокрушался Михайло. Он опустил к ноге ненужную пока сулицу³⁴ – не приблизились находники, устрашились глубокого рва да высокого вала. И еще, наверно, густой ряд копий на стене смутил их. Встали на расстоянии, чуть поболее перелета стрелы, табунятся на месте.

Рядом с Михайлой оказался ратай Антип. Не один пришел. Вон их сколь перемешалось с дружинниками. Кто с чем в руках, иной и с простыми вилами-тройчатками. У Антипа – топор на длинной рукояти.

Михайло знал ратая, ковал ему прошлым летом железный наральник. Да и кто из ратаев при нужде не стучался в дом кузнеца? Янко, завидев ратая Антипа, покрылся легким румянцем, отвернулся лицом к степи, радуясь, что спаслась от печенегов семья Антипа. Михайло знал, что сыну приглянулась старшая дочь ратая, черноглазая и насмешливая Ждана. Видел тот ее на игрищах купальских в Белгороде – с той поры и начал Михайло вено готовить, Янку о том не говоря ни слова.

– Спас тебя Бог, ратай Антип. Утек ты от печенегов.

– Бог спас, то так, кузнец Михайло, – отозвался негромко Антип. – Кабы не Славичева застава, быть бы нам в рабстве.

Михайло посторонился, уступая место Антипу у частокола, сказал:

– Великий подвиг совершили дружинники, собой крепость прикрыли. Видел, как закуп Могута жену Славича, Любаву, едва успел со стены снять? К мертвому живая хотела уйти. Не повредила бы разумом с горя, о том боюсь. Сына малого сиротой вовсе оставит.

– Горю нам теперь на всех хватит.

– Да, друже Антип, – согласился Михайло, – чем-то кончится для нас набег печенежский? Туга³⁵ немалая ждет и горожан, и пришлых с поля. Есть-пить всем надо. Из Киева помочи не ждать нам скоро. А люду в крепости укрылось тьма, смотри, места свободного совсем мало на улицах.

С помоста им были видны узкие улицы с густыми подзаборными зарослями зеленой лебеды. Терем князя с блестящими на солнце слюдяными окнами стоял близ Ирпеньской стены, вокруг терема – крепкий дубовый частокол. «Крепость в крепости», – подумал Антип. Правее, к Киевским воротам, виден терем посадника Самсона со многими пристроями и клетями во дворе. С другого боку княжьи хоромы подпирались теремом волостелина Сигурда. Чуть поодаль стояли пятистенные срубовые избы торговых мужей – добрые избы, с крытыми навесами и со многими переходами. Вокруг торгова шли избы ремесленного люда – кузнецов, тульников³⁶, бортников и прочих, – посаженного князем Владимиром на жительство да для защиты крепости многолюдством. У крепостных стен и в их постоянной тени, словно огромные муравейники, выпирали из-под земли покатые, поросшие бурьяном крыши землянок вольных ратаев, закупов, рядовичей да подневольных холопов, если холопу не находилось места в

³⁴ Сулица – короткое копье для метания со стен.

³⁵ Туга – печаль (отсюда – тужить).

³⁶ Тульники – мастера по изготовлению луков.

хозяйских просторных дворах. И по всем улицам – телеги и кони, скот, кричащие от страха жены и чада³⁷.

– Чем люди кормиться станут? – со вздохом проговорил Антип. – Ведь не на день-два пришли печенег!

– О том и я думаю – чем? Торговые мужи за корм золотники, куны да резаны³⁸ спрашивать будут. Много ли их у ратаев – про то и мне ведомо.

– Твоя правда, Михайло. На бояр да на торговых мужей нам не опереться. У них свой прищур глаза на огонь, у нас свой. Голод скорее печенегов ударит в ворота. Не все, конечно, но есть и такие среди знатных мужей, которые болотной кочке подобны. Думаешь опору найти, наступая на нее, а под ней бездна темная, погибель страшная...

Михайло, жалея ратая, предложил:

– Иди ко мне в кузницу, вдвоем мы на корм себе отработаем: воевода Радко заказ дал – оружие чинить, в сечах попорченное. И жить на моем подворье будешь.

Ратай Антип согласился с радостью: тревожился только что – ночь скоро наступит, где детям голову приклонить?

Снова смотрели, как ввечеру подходили к Белгороду отставшие отряды войска, как на холме, близ которого пали смелые дружинники со Славичем, поднялся белый шатер Тимаря, а вокруг разбили свои шатры многочисленные князья. Пала ночь, и принесла она белгородцам тревогу осады. Только один перелет стрелы разделял теперь русичей и передовые печенежские дозоры. Тьма окутала землю и небо. Лишь желтые огни сторожевых костров высвечивали неясные фигуры всадников. Да крупные звезды Большой Медведицы стояли, не мигая, над долго не засыпавшим городом.

До света не смыкали глаз сторожевые дружинники, меряя шагами помост на стене. И всю ночь налетавший со степи ветер нес горький дым вражеских костров.

³⁷ Чада – дети.

³⁸ Золотники, куны, резаны – денежные единицы Древней Руси.

Перунов овраг

*А по тых мест молодому славы поют,
А по тых мест слава не минуется.*

Былина «Кастрюк и царица Крымская»

Не открывая глаз, в полусне еще, Вольга зашевелил ноздрями и втянул в себя свежий утренний воздух, а вместе с ним запахи мокрой травы, душистого чебреца, прелых листьев и близкого берега реки.

«Мать Виста, поди, дверь открытой оставила, а со двора свежий воздух в горницу идет», – подумал Вольга, но потом сообразил, что во дворе у них чебрец не растет. «А может, старейшина Воик рано поутру принес с поля свежего чебреца да разложил на полавочках сушить в зиму от хвори?»

Рядом раздался яростный сорочий крик. Вольга вскочил, головой ткнулся в жесткие ветки бузины и присел. Какое-то время не мог понять, где он и что с ним. Почему спал не на широком ложе за очагом, а на траве? Почему над ним шумят листьями деревья вместо привычного с малых лет звона наковальни за стеной избы?

Вольга повернул голову влево: в утренней прохладе Боян и Бразд тесно жались друг к другу. И вспомнил все – печенеги! Это из-за них друзья не смогли вернуться в город! Поздно расслышали сквозь гомон леса удары сторожевого колокола, а когда выбежали к опушке и упали в траву, все поле перед Белгородом было уже под печенегами...

Вольга поднял с травы нож с широким лезвием, прислушался: вдруг рядом находники рыщут? Но все было тихо, даже сорока куда-то снялась с ближних веток. Осторожно вылез из-под куста, осмотрелся. Густой туман уже поднялся от реки вверх, открылась степь перед городом, вся в дыму бесчисленных костров. И на этой стороне реки, на луговой, тоже стояли печенеги – обложили крепость со всех сторон.

Глядя из кустов, Вольга прикидывал, откуда легче незаметным дойти до вала. Перед Ирпеньскими воротами место открытое, сразу же приметят и схватят. Не лучше ли обойти луг дальним краем, лесом, который растет по западным холмам? А потом перейти реку и укрыться в Перуновом овраге? В том овраге заросли непролазные, от него до оврагов Трех Богов, которые сходятся воедино у рва возле Киевских ворот, не более версты, можно пройти по краю речного обрыва, дождавшись ненастной ночи... А из трехпалого оврага на вал взобраться – какой труд? Там каждый куст ведом, не один раз играли в междуовражье.

Был Вольга и на старом требище³⁹, у холма над дальним оврагом. Ему старший брат Янко рассказывал, что плакал старейшина Воик, да и не он один, когда дружинники, исполняя повеление князя Владимира, срубив, бросили Перуна в овраг. С той поры и прозывается тот овраг Перуновым. И по сей день еще тайно ходят на старое требище те, кто в душе не отрекся от старой веры. Но мало уже таких: суров к ним князь Владимир, держит во врагах своих.

– Вольга! Ты куда делся? – раздался за спиной испуганный шепот младшего Бразда.

– Здесь я, – так же тихо отозвался Вольга. – Идите ко мне, да стерегитесь, печенежские конники близко.

К Перунову оврагу шли сквозь густой лес, имея ирпеньский луг по правую руку. Продирались по зарослям мелколесья, перелезали через буреломы. Местами по склонам холмов заросли были столь густы, что надо было выходить из леса и ползти в траве, по самому краю

³⁹ Требище – место принесения жертв языческим богам.

луга, опасаясь внезапного наезда конных печенегов. Пополудни, изрядно устав и изодравшись, вышли к реке, спустились от Белгорода вниз по течению. Остановились в камышах, на отмели. Вольга осторожно выглянул – крут и высок противоположный берег! И пуст, врагов на нем не видно, а совсем рядом темнеет буйной зеленью Перунов овраг.

– Я пойду первым, дно разведая, нет ли корневищ под водой, – сказал Вольга. – Как выйду на берег, тогда и вы следом ступайте.

Вольга торопливо скинул ноговицы и платно, смотал одежду в тугую ком, ступил в воду. Со дна пошли черные круги мутного ила, ноги увязли по щиколотку. Над головой камыш зашумел, качал длинными тупоносими наконечниками, жесткими листьями цеплялся за коричневые от загара, голые плечи, словно не хотел пускать в холодную глубь воды: даже он, камыш, не отваживается входить туда, а жметесь ближе к берегу!

Но Вольга пошел далее. Дно стало твердым, глинистым и круто ушло вниз. Вольга поплыл на спине, левой рукой держа одежду, чтобы не намочить. Он видел, как друзья шли сквозь камыш по его следам. С тревогой поглядывал через плечо влево, на кручу берега, за Перунов овраг. Но тихо там, над рекой: солнце слепит глаза и греет лицо, серебряными бликами играя по волнам.

Угадав близость берега, Вольга перевернулся со спины на грудь, потом нащупал песчаное дно. Вышел на берег, ближе к кустам, торопливо натянул ноговицы.

– Быстрее! – махнул рукой друзьям, а они уже на середине реки, между собой перекликаются.

Страшнее грома с ясного неба упало вдруг на воду конское ржание. Чужие крики раздались следом за ним, с обрыва покатались комья земли – их приняла, звучно плеснув, река.

– Печенеги! – Вольга не успел даже испугаться. Тело само вжалось в крутой берег. Обдирая спину, он сделал несколько шагов вправо, птицей юркнул в заросли Перунова оврага – только шелест кустов над мокрой головой. Махнул было в самую чащобу, да опомнился: ведь он не один! Ведь там, в реке, Боян и Бразд! Что случилось с ними?

Вернулся, пересилив страх, укрылся за ближними вывороченными корневищами деревьев и увидел все, как было.

Два старых коренастых печенега спустились к реке, а третий остался на коне, держа наготове лук со стрелой на тетиве. Но Бояну и Бразду бежать было некуда: они стояли в воде по грудь. Ни слова не произнесли они, когда печенеги, что-то весело выкрикивая, вошли к ним в воду и потащили к берегу. Перед Вольгой промелькнуло желто-зеленое лицо Бояна – не петь ему больше песен на ирпеньских берегах, а тем паче в хоромы князя Владимира! Боян шел обреченно, Богу вверив свою судьбу. Бразд извивался, босыми ногами бил своего мучителя. И вдруг резкий крик заставил Вольгу вздрогнуть.

– Отче-е Слави-ич! Спаси-и! – кричал Бразд, призывая сильного отца на помощь.

Печенег зло ударил малого плетью по голой спине.

Бразд захлебнулся собственным криком, упал на камни. Находник тут же подхватил его, перекинул через плечо и, скользя ногами по камням, понес наверх, к коню.

Оцепенение спало с Вольги, как спадает с глаз утренний сон от первой же пригоршни родниковой воды. Он заплакал, уткнув лицо в исцарапанные колени. В полон попали младшие товарищи, и виновен в этом он! Почему не дождался сумерек, почему не прикрылся густым туманом – повел через реку днем? Что ждет их, таких маленьких, у жестоких чужеземцев?

Вольга в ярости на самого себя полез вверх, цепляясь за камни, за вымытые дождями корни. Вот и край обрыва, весь в зарослях багульника и высокой, начавшей уже цвести полыни, среди которой там и тут зеленеют кусты шиповника со светло-розовыми ягодами. Выглянул из-за куста, слегка прижал к земле траву рукой: печенеги остановились у ближней к оврагу кибитки. Вокруг собралась толпа любопытных. Отроков вертели и дергали, о чем-то пытали, грозили плетью. А низкорослый и широченный в плечах печенег, который тащил

Бразда из воды, указывал плетью в сторону реки. Наверно, объяснял, как и где дело было. Печенег погалдели, скоро разошлись: невелика радость – глазеть на чужую добычу!

Бояна и Бразда связали одной веревкой и пинками загнали под кибитку на высоких деревянных колесах. Квадратный печенег долго стоял рядом, довольно потирая руки. Потом еще раз заглянул под кибитку на неожиданно приобретенный полон и ушел в глубь стана.

Вольга облизнул пересохшие губы и, пятясь с обрыва, спустился в прохладную глубину оврага. В густой поросли высокого разнотравья отыскал маленький ручеек. Пил, пока от студеной воды не заломило зубы, потом поднялся с земли, осмотрелся. Свежая вода взбодрила, прибавила сил и на время отвлекла от желания поесть: взятые из дома куски хлеба съели вчера вечером с собранными ягодами.

«Вечер близится, надо сладить жилью к ночи. Не спать же зайцем пугливым под кустом! Как знать, когда выйдет случай помочь друзьям. А одному мне, без Бояна и Бразда, ход в Белгород заказан!» – рассуждал Вольга, пробираясь вверх по ручейку: там заросли кустов под кронами деревьев гораздо гуще. Неожиданно открылась маленькая полянка, в четыре-пять шагов, густо заросшая осокой, а в самом центре зеркальце воды поблескивает, величиной не более щита отца Михайлы. Щит этот висит у них на правой стороне от двери в горницу.

– Славное место! – не удержался от восклицания Вольга. – Близ родника и сооружу себе жилью. Вот здесь, чуть повыше, на склоне, безопасно под корневищем и не так сыро от воды будет.

Под раскидистым кустом волчьей ягоды Вольга расчистил место и застелил травой потолще, а потом долго плел ограду из гибкой лозы между веток куста: не подкралась бы ночью какая-нито хищная тварь. В овраге потемнело быстро. Вольга еще раз поднялся наверх. Вокруг Белгорода горели сторожевые костры, их пламя наискось плескалось в порывах южного ветра. Вольга посмотрел вверх – не ждать ли нынче желанного дождя? Луна на небе соперничала в яркости со звездами. И ни единого облачка, лишь у самого северного горизонта серо-темной полосой, будто цепь холмов, бугрились далекие тучи.

– Светло как! Не подойти будет к кибитке, дозорные увидят. Надо ждать беззвездного неба, – твердо решил Вольга и вернулся в свое жилище. Уже на ощупь запутывал за собой лаз под куст, потом проверил, не нарушил ли кто плетеной изгороди вокруг ложа. Успокоился – все цело. Спиной прижался к застланным травой корневищам, согревая траву и сколько мог – себя, а нож прижал к груди: с оружием и во тьме не так страшно. В глубине оврага, ближе к реке, торопливо, будто запыхавшись, проухал филин. Ему в ответ боязливо застрекотала сорока, но тут же умолкла, опасаясь глазастого соседа. Потом зашумел, в листве запутавшись, запоздалый ветерок. И все стихло надолго, только чуть слышно позванивала вода родника, стекая струйкой с какой-то неровности. Вольга поежился, вдавливаясь в травяное ложе.

– Рядно бы теперь подостлать – славно было бы, – беззвучно, одними губами, проговорил Вольга. – А дома, поди, отец Михайла теперь на лавке сидит, печалится. Или посечь плетью грозит, чтоб в другой раз не уходил так далеко от города... Старейшина Воик меньшому братцу Вавиле в ночь сказки рассказывает о русалках, чудных девах. Живут они по берегам Ирпень-реки. У русалок вместо ног – лапы гусиные. Зимой они в земляных норах прячутся от стужи, а по весне из нор выходят и в воде резвятся. В середине лета, как раз об эту пору, русалки начинают из воды выходить и на деревьях ночевать да песни зазывные петь. Иной добрый молодец, сказывал старейшина, заслушается и набредет на них. Они его очаруют, закружат, в прятки играть принудят, а потом защекочут до смерти и уволочут с собой в воду... Не их ли это пение еле слышно? – Вольга затаился всем телом.

Долго прислушивался Вольга к ночным звукам: не идет ли кто, не крадется ли зверь какой? Но скоро усталость и пережитый днем страх взяли свое, тело размякло, согрелось в траве. Веки сомкнулись, но в уши еще долго шептал о чем-то сонный лес. Отцовский нож выкатился из раскрытой ладони и упал на смятую траву...

И пошли дни, похожие, как звезды на небе, только и разницы, что одна чуть ярче другой. Для Вольги же дни были ярче, если удавалось добыть какой-либо корм. Два раза пытался Вольга проникнуть к печенежской кибитке, под которой ночевали его друзья, но луна в эти ночи светила на все небо, и сторожевые воины у костров не дремали – опасались, должно, вылазки русичей из крепости.

На четвертый день Вольге удалось раздобыть толику дикого меда из старого дупла, разогнав пчел дымом от зажженного пучка травы, и теперь страшная жажда мучила его неотступно. Проснувшись поутру, Вольга разгрыз несколько прошлогодних орехов: белка на зиму готовила в старом дупле осокоря, да обошлась, не потратила. А может, попала в петлю охотника или стрелой ее взяли. Однако орехи только усилили жажду, пришлось спешно выбраться из жилища к роднику. Но воды испить Вольга не успел – на краю Перунова оврага со стороны печенежского стана послышались чужие голоса, и кто-то начал спускаться по откосу.

– Опять находники! – чуть не вскрикнул Вольга и ужом шмыгнул в кусты. Потом вполз в свое укрытие, затаился там и сквозь узкую щель между прутьями стал смотреть в сторону поляны. – Неужто заметили меня и решили изловить? – торопливо рассуждал он, чувствуя, как от подступающей тревоги перехватывает дыхание. – Если приблизится кто – ударю ножом прямо из куста! А потом буду уходить вниз, к реке. В дебрях им меня так легко не взять, не степь это.

Но спустился всего лишь один печенег, молодой и плохо одетый. Вместо меча у него при поясе висел большой нож с деревянной рукоятью. Вольга понял, что это слуга. Хозяин остался наверху: его конь бьет копытами о сухую землю. Молодой печенег продрался к роднику сверху по оврагу, где Вольга еще не был ни разу, и увидел примятую у родника траву. И свежие следы увидел на песочке, тут же вскинул голову и что-то прокричал вверх. Но с кручи ответили резко, и печенег снова посмотрел на родник, затем глазами стал ощупывать заросли. И показалось Вольге, что взгляд находника на какой-то миг встретился с его взглядом. Вольга даже веки смежил до боли.

– О-а-ай! – раздался вдруг совсем рядом истошный крик. Вольга открыл глаза и увидел, как печенег замер неподалеку над чем-то, потом отпустил ветки куста и быстрее степного скакуна кинулся прочь от родника, не разбирая дороги. Потом застучали копыта над Перуновым оврагом, и все стихло. Вольга сидел долго, затаясь, ждал – вот-вот печенеги вернутся в большем числе и обшарят овраг. Но степняки не шли, и Вольга постепенно успокоился, вылез из своего укрытия, осторожно пошел в кусты.

– Чего это так испугался печенег? – тихо сказал он сам себе, прошел чуть в сторону от родника, шагнул к кустам, раздвинул их, и... крик ужаса вырвался у него, а ноги стали каменными, и не было сил оторвать их от земли.

Прямо перед ним на крутом склоне полулежал огромный человек – чудище! Немигающие глаза-чаши придавили Вольгу тяжелым взглядом. Над плоским лицом, изувеченным глубокими морщинами и шрамами от ударов топора, остро торчал грубый широкий нос. Но страшнее всего был оскал бездонного рта. Еще миг, казалось Вольге, и из этого огромного рта вырвется звериный рык, взметнутся из травы огромные длиннопалые ручища, охватят его, сомнут и втиснут головой вниз в голодную и темную утробу!

И в тот момент, когда Вольга собрал остатки сил и готов был уже отпрянуть назад, по этому страшному лицу пробежала гибкая зеленая ящерица. У чудища не дрогнула ни одна морщина.

– Ух ты-ы, – выдохнул наконец-то Вольга. Горячая кровь волной прошла по телу. – Да ведь это же дедушкин бог – Перун! Вот кто напугал печенега! – И Вольга тихо рассмеялся, вспомнив, что и сам был близок к тому, чтобы метнуться из Перунова оврага прочь, куда глаза глядят. Он отпустил ветку и смахнул со лба холодные капли пота.

– Расскажу старейшине Воику, как напугал и спас меня его старинный бог Перун. – Вольга осмелел, пролез в кусты и встал над идолом. Могучее когда-то дерево почернело, а вода и жуки во многих местах источили его за минувшие годы. Нет больше мудрых волхвов⁴⁰, мазавших лик Перуна жиром и кровью жертв. Отвергнутый теми, кого не так давно еще вдохновлял на ратные подвиги, Перун теперь гнил в сыром полумраке, а пройдет время, и люди совсем забудут его, только и останется одно название оврага...

Вольга вернулся к роднику утолить невыносимую уже жажду. После воды в желудке на время пропала голодная резь. Он вытянул усталые ноги и расслабился. И тут над головой неожиданно грохнуло! Вольга вскочил, прислушался. Не почудилось ли? По правде ли гроза собирается? Последние дни так нещадно палило над степью солнце! Но нет, не обманул его гром! Вот упали на листья первые редкие капли – словно дозорные близкого дождевого войска, которых выслали впереди себя тучи сообщить людям о своем скором приходе!

Вольга вскинул голову к небу, а полнеба там, за ирпеньским лугом, уже за тучей не видно. Темень какая! Обрадовался несказанно: ко времени гроза! В дождь ни один печенежский костер гореть не будет, и дозорные укроются в кибитках! Вольга полез на кручу. Успеть бы приметить, куда находники денут его друзей? Не взяли бы в кибитки. Но зачем им чужаки в кибитках? Не жалели их прежде, плетью секли, коней чистить заставляли по всем дням!

У края оврага Вольга присел под кустом шиповника, огляделся. Небо над Белгородом тоже потемнело, но туда, дальше над Днепром, оно все еще голубое и теплое. Вольга тихо засмеялся:

– Ага! Засуетились, находники! Не любо вам мокнуть!

Печенеги ловили коней, привязывали их к кибиткам, путали им ноги, чтобы не ушли далеко, напуганные громом и сверканием молнии. Вольга видел, как подошел низкорослый печенег к полоненным отрокам, как проверил веревку, надежно ли завязано, а потом вдруг замахнулся на них плетью. Отроки, связанные по ногам и рукам, спасаясь от побоев, закатились под кибитку и там замерли, прижавшись друг к другу.

А по заирпеньскому лугу уже быстро шла косая и плотная стена дождя. Гнулась к земле трава. Печенежские кони приседали под громовыми раскатами и ударами упругой водяной струи, а затем их и вовсе не стало видно. Ливень хлестнул по камышам на том берегу, взбаламутил, выхлестал речную поверхность, а потом лихо взбежал на правобережный откос и в дебрях Перунова оврага зашумел листвою.

Вольга стиснул веки, ладонями укрыл голову, а тело напряглось в ожидании холодного и мокрого удара в спину. И ливень окатил его тысячью крупных и теплых капель.

Вражий стан утонул во мраке неистового дождя. Вольга вскочил и бросился вперед, через поляну с редкими кустами багульника. Он не думал, что и сам может попасть в полон, что и его могут изловить и связать накрепко. Он спешил вызволить друзей. У тонкой березки Вольга упал на мокрую траву – до кибитки было рукой подать! Пополз, а в душе хлестали волны счастливого ожидания – удастся ли? А вдруг и сам разделит с ними нелегкую участь рабов, проданных за море на рынках Корсуни или далекого Царьграда?

В темноте – да и глаза заливало дождем! – едва не ударился головой о большое деревянное колесо, потом нащупал веревку и легонько потянул ее на себя.

– Вольга-а, – прошептал Боян, не веря увиденному, а глаза – во все лицо, и губы растянулись от удивления и радости.

– Тс-с-с! – чуть слышно предупредил Вольга и сделал предостерегающий жест рукой: над ними в кибитке бубнили и возились печенеги. Вдруг чья-то нога в грубом кожаном сапоге свесилась через край – у Вольги сердце едва не оборвалось – попала под струю дождя и так

⁴⁰ Волхвы – служители культов у языческих славянских племен.

же неожиданно метнулась вверх и исчезла, а в кибитке послышался смех и хлопки ладонью о что-то мягкое.

Вольга ножом разрезал веревки на друзьях, осторожно попятился из-под кибитки и пома-нил отроков. Жирная земля раскисла, жадно впитывала влагу. Неслышно проползли по неглу-бокой канаве в сторону ирпеньской кручи, потом по склону берега, скользя на мокрой траве, ползли к оврагам Трех Богов. Сквозь шум ливня совсем рядом, над берегом, слышен был при-глушенный говор дозорных печенегов и фыркание мокрых коней.

И вдруг – резкий уклон вниз. Первый из трех оврагов!

– Вот и табунов печенежских не слышно. Утекли! – прошептал Вольга и мокрыми, выпач-канными землей руками обнял Бояна и Бразда за трясущиеся плечи, потом начал поочередно подталкивать отроков вверх.

Дождь хлестал нещадно, ноги скользили по размокшей земле, и приходилось ползти, цепляясь за любой выступ, за старые корневища, за ненадежные кустики полыни. Вольга тянул Бразда, а себе помогал ножом, вгоняя его по рукоять в склон оврага. Боян карабкался рядом сам, закусив от натуги побелевшие губы. Но вот и ров остался позади, влезли на вал, а затем коснулись руками мокрых бревен стены. Не верилось, что дома, что это Белгород!

– Теперь влево, к воротам, – торопил Вольга товарищей, чувствуя, как силы оставляют его. – Стража стук наш услышит и выпустит в крепость. Ноги еле держат от голода...

Вдруг Бразд поскользнулся, вскрикнул и, чтобы не упасть, ухватился за платно Вольги. Сверху раздался крик:

– Кто там? Эй, берегись – печенеги под стенами! Камнями их!

Над частоколом взметнулись копы, чей-то меч ударился о щит: дружинники поспешно занимали свои места, чтобы встретить находников, исполнившись для сечи.

– Это мы, русичи! – что было сил закричал Вольга, опасаясь, как бы сулицу не метнули сверху, а то и камнем прибьют до смерти! Дождь продолжал лить так, что глаза приходилось прикрывать ладонью. – Это я, Вольга, сын кузнеца Михайлы! Впустите нас! Иззябли от мок-роты!

Чья-то голова свесилась над частоколом, но из-за ливня не разобрать было – чья. Засуе-тились на стене: не обман ли? Не затаились бы печенеги во рву, малых пустив вперед!

Сверху со струями дождя упал голос Янка:

– Вольга, ты ли это? Крикни громче!

– Я это, братец, я! Спусти нам лестницу, мочи нет под дождем стоять, да и есть страх как хочется!

Янко узнал брата, тут же лестница опустилась со стены на вал, а на помосте их по одному принимали сильные руки воеводы Радка.

Вольга поднялся последним, встал босыми ногами на мокрые доски помоста и припал лицом к холодной кольчуге Янка. Тело тряслось от озноба, а потом Вольга вдруг медленно повалился на мокрые бревна: усталость и пережитое минувших дней выходили из него мелкой дрожью с остатками последних сил.

Янко торопливо подхватил брата на руки, но Вольга уже не чувял этого: в голове стоял легкий и будто далекий звон колокола.

Коварство врага

*А злое несчастье, братцы, состоялось,
Безвременье велико повстречалось.*

Былина «Васька-пьяница и Кудреванко-царь»

Ласковое солнце шагнуло в город через частокол со стороны Киевских ворот. Понежилось малость на мокрых деревянных крышах высоких теремов, скользнуло вниз и продвинулось к затененным стеною землянкам. Здесь надолго прилегло на крышах холопских жилищ, дожидаясь, когда проскрипит покосившаяся от времени дверь и можно будет посмотреть, а чем же питаются поутру убогие, сытно ли им?

Прозрачная дымка встала над просыхающим Белгородом. Притих в последние дни город, почти не осталось скота на его тесных улицах, не слышно уже детского смеха, зато голодные псы все чаще схватываются у стен из-за обглоданных до белизны костей. Заметно поубавилось и коней на подворье княжьего терема: корма коням взять было негде, вот и резали поводных коней, сберегая запас в клетях для других времен.

Вольга уловил запахи мокрой полыни, дыма от углей из кузницы за домом, с трудом привстал с ложа, сел. Голова кружилась, слабость была непомерной, а тело какое-то далекое, не свое вроде. Рядом, широко раскрыв рот, стоял полуголый – без ноговиц – Вавила, палец в рот засунул и на него смотрел с любопытством, не решаясь о чем-то спросить. Вольга улыбнулся малому братику. Повел лопатками, сгоняя остатки сна. Утро вошло в горницу уже давно. За стеной слышен звон из кузницы: дзинь-дзинь-бум! – так перекликался большой молот и маленький молоток, ударяясь поочередно о крепкую наковальню.

В избу вошла мать Виста с пустой корчагой в руках – пить носила мужу в кузницу.

– Мати, – простонал Вольга и руками схватился за пустое чрево. – Поесть бы чего сытного. Окромя слюны густой, давно уже ничего ке ем.

– Испей поначалу мясного отвара, сыне. Так повелел старейшина Воик. А есть будем только ближе к полудню, – сказала она. – Печенег выбрали для находа голодное время: старый хлеб почти весь съели, а новый на поле еще стоит. Да и соберем ли его? Не пожгут ли печенег?

Вольга трясущимися руками поднес миску с мясным отваром, выпил с жадностью, отдышался.

– Пойду я, мати, погреюсь на солнце.

Вольга порадовался свежему утреннему небу – будто и не было минувшим днем лютого ливня! Удивился, увидев чью-то телегу во дворе. Над телегой сооружен навес, покрытый серым пологом. Вчера в дождь и не разглядел этого. Край полога откинулся, выглянули две всклокоченные девичьи головы, и белые зубы сверкнули на загорелых лицах: так иней сверкает, когда на него падает чистый луч утреннего солнца. Перед Вольгой появились две стройные девушки в длинных платнах из белого домотканого полотна. Старшая была обута в мягкие сапоги, а меньшая, босая, стояла чуть позади и смущалась. Вольга переступил босыми, мокрыми от росы ногами – зябко вдруг стало, подумал, не вернуться ли в дом да обуть постолы⁴¹, которые совсем недавно сплел ему старейшина Воик.

– Ты Вольга? – спросила или уверенно назвала его та, что постарше. Вольга не разобрал по тону, занятый своими мыслями. – Меня зовут Ждана, а это моя сестра Арина. Мы у вас живем с начала осады.

⁴¹ Постолы – лапти.

Ждана улыбнулась. У Вольги вдруг уши стали горячими, но тут во двор с улицы вошла незнакомая женщина. Вольга сразу догадался, что это их мать – так схожи.

– Вот и хорошо, что ты встал, – сказала женщина так просто, будто всю жизнь знала его. – А то Василько и Милята, сыновья мои, все утро порывались к тебе, да отец Антип не пускал их, чтобы не будили тебя. Они сейчас коня пасут где-то возле вала.

«Это славно, что и ребята у них есть, веселее будет», – обрадовался Вольга. Потом он сидел рядом со старейшиной Воиком на теплой колоде у стены и торопливо, перескакивая с одного на второе, рассказывал ему, как и что с ним было в Перуновом овраге. И про печенега напуганного сказал.

Старейшина Воик поднял лицо к небу и к теплым лучам:

– Это я просил великого Перуна хранить тебя и помогать тебе! Он был рядом с тобой и отвел беду.

А затем они долго сидели, думали каждый о своем: Вольга о том, что будет с ним через годы, когда вырастет и станет княжым дружинником, а старейшина о том, что уже было когда-то.

Вошли во двор Боян и Бразд. Вольга к Бразду кинулся и увидел темные тени под глазами. «Наверно, плакал всю ночь по отцу Славичу», – догадался он, спросил ласково:

– Как матушка твоя Любава, здорова ли?

– По горнице все ходит, – ответил Бразд охрипшим голосом и не сдержал тяжелого вздоха: – Ох и рада была, когда дружинники привели меня домой! А теперь от себя отпускать не хочет, страшится: один я с нею остался.

Старейшина Воик подал голос от стены:

– Дерево сильно корнями, а род человеческий – детьми. Потому и тревожится Любава. Все согласно промолчали.

– Вольга, смотри, на стене суета какая-то, – прервал вдруг недолгое молчание старейшина. – Сведайте, что там, потом мне скажете.

На южной стене, близ правой башни, Вольга отыскал старшего брата. Рядом с ним были и его друзья: коротконогий и сильный, с румянцем во всю щеку Згар и Борич – тонкий, с не улыбчивым, строгим лицом. Дружинники смотрели через частокол в степь.

– Что тут, Янко? – спросил Вольга, тяжело отдыхаясь после крутого подъема на стену по лестнице. – Меня старейшина послал узнать для пересказа.

– Печенежский посланник стоит у стен, а рядом с ним переводчик. Посадника кличут, сказать что-то хотят.

Вольга выглянул за частокол – первый раз он смотрел на печенегов сверху – и подивился: какое несметное войско у кагана! До края поля на юг, казалось, все уставлено печенежскими кибитками, вытоптано конями, задымлено тысячью костров! И какой же силой надобно подступиться князю Владимиру, чтобы освободить Белгород из осады!

Опустил взгляд под стену – на печенежском посланнике красивый, алого цвета халат, ишит серебром – так и сверкает на солнце.

За спиной послышались голоса.

– Посадчик Самсон идет. Пропустите посадника.

Друзья прижались спинами к дубовой стене, прохладной и влажной с минувшей ночи, пропустили тучного посадника Самсона. А он шел важно, руки заткнув за широкий пояс, надежно поддерживавший дородное чрево. Длинный меч постукивал о левое бедро при каждом тяжелом шаге. Посадник шевелил толстыми губами, глаза из-под век буравили каждого, кто стоял, потеснившись на помосте.

– Дюж наш посадник, – послышался приглушенный голос Борича. – Отчего бы ему и не выйти супротив печенежского кагана на поединок? Сколько холопов потом бы восхваляли Тимаря за избавление от купы!

Янко и Згар тихо рассмеялись. Следом за посадником на помост поднялся воевода Радко, встал рядом, в степь внимательно поглядел, стараясь по поведению печенегов догадаться, что же надумали вороги.

– Кто говорить со мной хочет? – спросил посадник Самсон, вскинул на частокол руки, на пальцах – камения в золотой оправе. Ежко, торговый муж, повторил слова посадника на печенежском говоре.

Печенег на белом коне кричал в ответ долго, то утихая голосом, то поднимая его с угрозами, так что Ежко едва успевал повторять его слова:

– Говорит с тобой, посадник, знатный князь Анбал из рода славного Кури – что по-нашему значит «Вол», – добавил от себя Ежко. – Великий каган Тимарь с немалым войском пришел на Русь отомстить князю Владимиру за старые обиды. Но великий каган не станет проливать кровь русичей, если посадник соберет все золото и серебро да камения драгоценные, какие имеются в городе, и отдаст это великому кагану. А чтобы не было утайки и обмана, дань с каждого двора соберут верные люди кагана. Тогда каган Тимарь даст мир русичам и уйдет в степь. Если же день пройдет, а великий каган не получит выкупа, его войско возьмет Белгород на щит и пепел развеет на месте вашей крепости!

Ежко умолк, потому что кончил кричать князь Анбал. Переглянулись воевода Радко с Ярым, почесали бороды в недолгом раздумии и разом улыбнулись: коль заговорил каган о выкупе, знать, что-то тревожит его, не надеется взять город приступом или измором. Легкой кровью думает поиметь из Руси доходного данника!

А посадник Самсон тем временем ответил печенегу, и Ежко перевел на язык степняков:

– Пока каган и его войско будет стоять под Белгородом, подойдет с дружиной князь Владимир и укажет Тимарю путь из земли Русской!

Печенег в ответ обидно рассмеялся:

– Великий каган знает, что князь русичей с дружиной ушел к Студеному морю воев собирать. Вернется нескоро, когда Белгороду уже не быть городом! А жителям не быть живыми!

Посадник Самсон повернулся к воеводе, на лице растерянность, и голос дрогнул, когда он произнес:

– Как мог Тимарь узнать об уходе князя из Киева? Не с того ль так смело и скоро подошел под наши стены? Что отвечать будем, воевода Радко?

Воевода Радко расправил плечи, поджал крепкие губы, молча оглянулся на город, словно оттуда знак ему кто-то должен был подать.

– Отвечай им, посадник Самсон, что таково, я уверен, и мнение всего городского люда: Русь не была и не будет в данниках у печенегов! Возьмут нас силой – тогда возьмут и наше золото-серебро. Получит с нас выкуп Тимарь – зачем тогда ему здесь стоять? На другие города кинется. Нам надо их под собой удерживать, чтобы Русь на великую сечу смогла исполниться!

– Ну, стало, так тому и быть. – Посадник перекрестился и ответил печенегу как мог громче: – Злата и серебра немало в Белгороде! Но велико и войско печенежское, на всех не хватит. Пусть каган шлет на стены своих храбрых воинов. Кто первым поднимется, того и одарит наш ласковый воевода!

Печенежский князь Анбал вздыбил коня и повернул прочь, его провожал дружный смех белгородцев. И вдруг, глуша этот смех и ширясь, со степи к Белгороду покатился гул криков тысяч взъяренных людей. Вольга выглянул за частокол – печенежское войско волновалось, всадники садились на коней, пешие металась с места на место, будто все что-то искали и никак не могли найти.

– Что с ними делается? – удивился Вольга. – Будто смолой горячей на них кто из ковша плеснул!

– Ждали даров немалых, а дождались зова на сечу, – пояснил Янко, а Вольга с беспокойством подумал: «Ну как и в самом деле кинутся вороги на Белгород! А у нас даже сулиц легких нет в руках!»

Вольга осмотрелся, глазами искал себе какое-нито оружие, но, кроме куч камней под стенами, у ног ничего не было.

– Изготовьтесь! – крикнул воевода Радко ближним дружинникам, а те передали слова воеводы дальше, и Белгород ошетинился многими сотнями копий. Снизу по тесным улочкам бежали горожане кто с чем.

Сверкали на солнце тысячи кривых печенежских мечей над головами, острыми колючками вздыбилось копьями печенежское войско, криком исходило, готовое в один миг покрыть собой малое пространство от стана до крепостного рва.

Но выехал к крепости только один, на вороном коне, и сам как степной буйвол – широкий в плечах, большеголовый, длинным копьем играл, как ребенок невесомым гусиным пером. Печенег остановился против места, где стояли воевода Радко и посадник, и что-то кричал, то и дело вскидывая копье над головой в широченной меховой шапке.

– Чего вещает? – спросил воевода Радко. Ежко скривил худое и длинное лицо, подергал тонкими пальцами рыжую бороду. Когда отвечал, глаза, прищуренные, повлажнели, словно боль нестерпимая подступила к сердцу торгового мужа:

– Бранит нас скверными словами. Русичей называет трусливыми и жирными баранами. На бой в поле зовет. – Ежко продолжал говорить размеренным голосом, будто и не речь врага пересказывал, а укачивал в колыбели малого ребенка, и только красные пятна на щеках выдавали ярость, которая кипела в его душе. – Зовет он себя непобедимым богатырем по имени Куркач да похваляется при этом, будто нашего Славича, брата моего, жизни лишил! Его, дескать, копьем сбит на землю и его конем стоптан!

– Что-о? – закричал Янко так громко, что Вольга в испуге отпрянул от брата. – Так это он Славича жизни лишил? Пусти меня в поле, воевода Радко! Дай сойтись с врагом! Хочу за Славича кровь печенежскую пролить!

Но воевода Радко посмотрел на Янка грустными глазами – о Славиче враг напомнил похваляясь – и не разрешил:

– Нет, Янко. В поединке с таким сильным богатырем нужна сила крепкого мужа и опыт зрелого ратоборца. Рано тебе, Янко.

Янко огорчился отказом воеводы, он даже пальцы закусил от досады, а потом в степь глянул, примеряясь: не взять ли печенега стрелой? Но опасается находник, близко к стене не подступает.

Подошел киевлянин Вешняк и голову преклонил перед воеводой в просьбе:

– Дозволь мне выйти на поединок, воевода Радко. Надо проучить печенега. Негоже позволять поганым дурными словами чернить доброе имя русских дружинников.

– Иди, Вешняк. – И воевода Радко перекрестил Вешняка, будто он был епископ Никита, ныне сидящий в Киеве из-за осады. – Помни: у тебя за спиной будут открытые ворота – не кинулись бы туда коварные степняки. С Богом, Вешняк, за землю Русскую, за честь ее!

Вешняк выехал из ворот, обогнул угол крепости по ирпеньскому пологому склону, направляясь к правой башне, чтобы потом выехать перед крепостью на ровное место.

Едва Вешняк появился перед южной стеной, как Куркач что-то выкрикнул, склонил копье к шее коня и ринулся с места. Вешняк же спокойно взял круглый щит из-за спины, копье с широким наконечником изготовил и только тогда тронул коня в тяжелый бег.

Полегла трава под жесткими копытами. Сошлись ратоборцы, и услышал Белгород, как глухо стукнулись копыта о крепкие щиты, но тут же разминулись конники, разъехались, развернулись и вновь пустили коней навстречу друг другу. И снова опытные ратоборцы приняли

острые копыта в центр щита – так, чтобы чужое копьё не поранило всадника или коня. Черная земля летела из-под копыт, когда сходились они в третий раз.

– Бей же его! – не выдержал Вольга и кулаками до боли ударил по бревну частокола.

– Круши поганого! – несло со стен Белгорода.

Между всадниками оставалось не более пятидесяти шагов, когда случилось невероятное для поединков: конь под Вешняком вдруг заржал и поднялся на дыбы, а Вольга – да и весь Белгород! – увидел длинную стрелу, торчавшую в шее коня. Кто-то из печенегов умышленно нарушил неписанный закон единоборства и сразил коня под русским всадником.

– О-ох! – тяжело и разом выдохнула крепость, а Вольга в ужасе схватился за голову.

– Убит! – прокатился чей-то крик отчаяния, и все увидели, как упал Вешняк в мокрую траву на ничейном поле.

– Жив! Жив! – кричали разом, забывшись, воевода Радко и Янко.

Вешняк был уже на ногах: он сам оставил седло, опасаясь, что конь, падая, придавит и его к земле. И тем спас себе жизнь – Куркач изготовился было ударить его копьём, но скользнуло вражье копьё над пустым седлом падающего коня. И тут показал Вешняк силу! С невероятной быстротой обернулся он вслед проскакавшему мимо печенегу и метнул в спину тяжелое копьё. Куркач взмахнул руками и рухнул на землю сразу: копьё потянуло вниз. В тот же миг Вешняк был возле остановившегося коня и вскочил в седло, усмиряя чужого жеребца натянутым поводом.

– Берегись, Вешняк! – закричал воевода Радко, но вряд ли его услышал ратоборец. Весенним Днепром на порогах вскипело печенежское войско. Сотни конных устремились вдоль пологого берега Ирпень-реки, снизу вверх, к распахнутым воротам: земля загудела под ударами копыт.

– Поднять мост! Закрыть ворота! – По лицу воеводы Радка прошла судорога, и он метнулся на западную стену, но дружинники успели передать его повеление стражникам. Мост над рвом поднялся, когда до передних печенегов оставалось едва ли полета шагов. Сверху ударили стрелами русские лучники и вынудили степняков спешно отхлынуть назад: не удалась Тимарю задуманная хитрость – изгоном войти в крепость.

Но в поле остался Вешняк, и ярость врагов выплеснулась на него. До трех десятков всадников ринулись к нему, копыта выставив. Нет, не показал спины находникам русич! Копьём встретил и свалил ближнего, но тут же упал вороной конь, недолго послужил новому хозяину. Пеший Вешняк принял удары на себя один. Его широкий меч, как лозу гибкую, срезал неосторожного всадника, едва он приблизился к Вешняку, – а кому не хочется отличиться на виду всего войска!

Но вот пронесли мимо печенежские наездники. Вешняк щитом прикрылся и неторопливо стал отходить к крепости, под защиту русских лучников. Недалеко уже осталось...

– Что делают, а? Что делают? – в ярости кричал Янко, хватаясь за рукоять меча, будто мог чем-то помочь отважному ратоборцу. – На одного – кучей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.